

3(с.163.1)
219759-2

5

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Карачаев

С. Н. ПОПОВ

КА
ДЕПОЗИТАРИИ

Гумен

П Е Ш К О М
по
КАРАЧАЮ

„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ“ 1931

С. Н. ПОПОВ

ПЕШКОМ ПО КАРАЧАЮ

Методсектором Крайсовнарпроса
допущено для школ повышенного
типа

1

9

3

1

В КИСЛОВОДСКЕ.

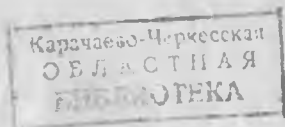

вой половине октября в Кисловодске выпал глубокий снег, пролежавший
На снимке — Кисловодский парк под необычным для него снежным покровом

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
От автора	3
Выбор маршрута	5
От Микоян-Шахара до Учкулана.	
Город среди горных хребтов. Встреча с проводником и соглашение с ним. Спящий „Эльбрус“. Недровые богатства Карачая . .	7
В Учкулане.	
Кочевка в ДРП. Скитание карачаевцев по Кавказским горам. Как карачаевцы боролись с царизмом. „Поквартальное“ расположение аулов в Большом Карачае. В карачаевской сакле. Как школа охватывает детей. Союз муллы и кулака. Горянка в строительстве новой жизни. На вершине Эльбаши. Горная гроза. Харун недоволен аллахом	15
На карачаевской свадьбе.	
Магомет похитил Нану. Сговор стариков. Опрос невесты и жениха. Написание „некяха“. Свадебное веселье, только не для невесты	29
От Учкулана до Махоры.	
„Зимние пастбища“. Летние коши. Там, где Махор сливается с Гондароем. Место для будущего курорта. Неиспользованный нарзан. Оригинальное лечение. Как воспитывают детей	34
По Махору до перевала.	
Ноши у Рамазана. Как готовят айран. Рамазан очень любопытен. Как поют в Карачае. Сказка про богатыря Сосрука. Принял овцу за медведя	46
Через два перевала.	
Кель-кате. Нападение кошевых собак. На вершинах Махорского перевала. Красоты Клухорского перевала. Живущие суеверия .	57
Теберда—курорт.	
В горных лесах. От каких болезней лечатся в Теберде. Религиозные обряды и их разорительность	62
Малый Карачай.	
Производство бурок. Кустарные промыслы. Верхне-Тебердинский аул. Сентинская больница. Хумаренский уголь. Прощание с Тину. Конец путешествия	68
А. И. Бегеулов.—Советский Карачай на путях социалистического строительства	78

219759-1

№ 1118
I—31

Статформат А* 148х210

Гостипография им. Коминтерна Севкавказполиграфобъединения в Ростове н-Д.

ОТ АВТОРА.

Задачей очерка „Пешком по Карачаю“ автор ставил себе дать ряд картин из жизни и быта карачаевского народа и описать свое путешествие по аулам и перевалам Карачаевской автономной области.

Карачай по своему местоположению наиболее интересная область Северо-Кавказского края в географическом отношении. Близость главных вершин Главного хребта и великана-Эльбруса дает возможность лучше, чем где-либо в другом районе, видеть моменты горообразования: горные складки, сдвиги горных пород и выходы недровых пластов ясно обозначаются в горных ущельях; разнообразное расположение этих ущелий по отношению к сторонам горизонта, создает разнообразие растительного покрова; ледники, небольшие по размерам, доступны для осмотра; около ледников много высокогорных озер.

Природа Карачая богата надземными и недровыми ценностями. Эта область имеет широкие перспективы экономического и культурного развития.

Осветить подробно экономику и социально-общественные условия нового строительства жизни в Карачае в кратком очерке невозможно: для этого нужна особая книга. Настоящий же очерк имеет целью в популярной форме рассказать молодежи, туристам о путешествии по Большому и Малому Карачаю и познакомить лишь с отдельными моментами экономики, культуры и быта карачаевца.

К описанным в очерке старинным обычаям, верованиям и отношениям надо относиться не как к типичным явлениям жизни современного карачаевца, а как к пережиткам, остаткам, которые еще существуют в ряде горных аулов, особенно в аулах Большого Карачая.

С момента путешествия прошло уже 1½ года, поэтому приводимые в книжке цифровые данные естественно подверглись изменению.

В конце книги приводится (по соглашению с автором) статья тов. Бегеулова „Советский Карачай на путях социалистического строительства“ (из газ. „Молот“ от 13-XII-1930 г.), где даны современные цифры экономического и культурного строительства Карачаевской автономной области.

Выбор маршрута.

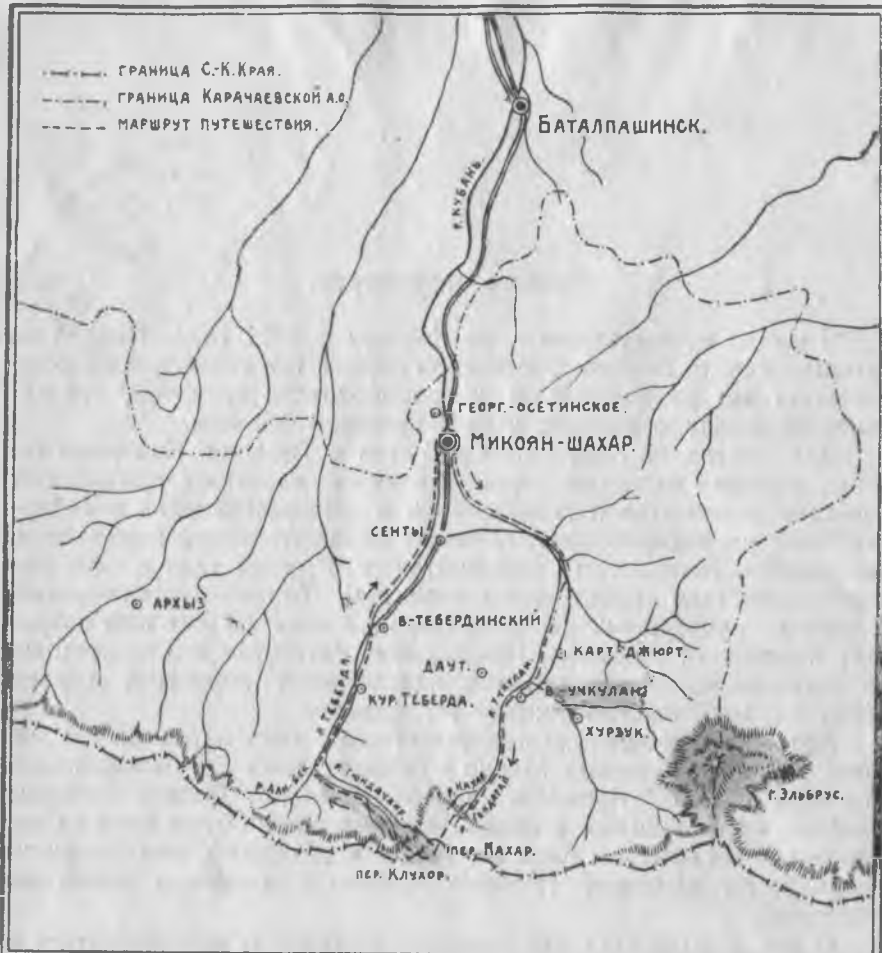
Я начал путешествовать по Кавказу с 1911 года. Первое же путешествие по Военно-Осетинской дороге так захватило необыкновенной по разнообразию и грандиозности красотой, что надолго определило интерес к высокогорной области.

Два последние года летом я бывал в Теберде. Красивые долины, высокие лесистые горы, снежные вершины привлекают большое количество и отдыхающих, и путешествующих в Теберду. Меня же интересовала, главным образом, жизнь карачаевца. Здоровый физически и любознательный народ таит в себе богатые источники культурного развития. Только отграниченный горами от культурных центров, Карачай еще до сих пор сохраняет пережитки старины. Природные богатства его велики, но не использованы. Проведение перевальной железной дороги через Карачай быстро оживит эту область.

Хотелось хорошенько познакомиться с этим народом. Но изучать жизнь карачаевца только в Теберде было бы неправильно. Это ведь „Новый“ Карачай, как его называют. Долина Теберды заселена карачаевцами в недавнее время, всего 60 лет тому назад. Основным же центром Карачая является „Старый“, или Большой Карачай, по верхнему течению Кубани у западного подножья Эльбруса.

И вот, решив еще раз посетить Карачай и познакомиться с экономикой, жизнью и бытом карачаевцев, я выбрал следующий кольцевой маршрут. Отправиться из Микоян-Шахара в сердце Старого Карачая, Учкулан, по реке Учкулану, потом по Махару добраться до Махарского перевала, спуститься с него, а затем через Клухорский перевал выйти в Теберду; из Теберды возвратиться в Микоян-Шахар и, таким образом, кольцевым маршрутом охватить и Старый, и Новый Карачай.

Железная дорога от Невинномысской до Сухума проведена пока только до Баталпашинска. В пятилетку дорога дойдет почти до Микоян-Шахара: 57 км. рельсового пути будет проложено от Баталпашинска. Восемь миллионов рублей ассигновано на это. Профиль пути установлен, береговые сооружения для мостов через речки и овраги построены, остается сделать насыпь

Маршрут путешествия по Карачаю.

полотна и проложить рельсы. Пока же сообщение поддерживается регулярными рейсами автобусов Скагтодора (Северо-Кавказское Государственное транспортное общество дорожного строительства). Автобусы ходят до Теберды два раза в день, и путь от Баталпашинска в Микоян-Шахар, протяжением в 57 клм, покрывают в 3-3½ часа.

От Микоян-Шахара до Учкулана.

Город среди горных хребтов. Встреча с проводником и соглашение с ним. Спящий „Эльбрус“. Недровые богатства Карачая.

В 4 часа мы были в Микоян-Шахаре.

Этот город—замечательное явление в нашем соцстроительстве. Желая приблизить центр управления областью к горам, что

Город Микоян-Шахар.

очень важно для населения, живущего в горах и не имеющего хорошо устроенных дорог, советское правительство в 1926 году начало строить совершенно новый город при впадении реки Теберды в Кубань, около аула Каменномоетского.

В два года среди гор вырос большой город. На фоне зеленых хребтов так странно и необычно белеют двухэтажные здания. Весело блестят новые провода на телефонных и телеграфных столбах. Высится приемная антенна над рабочим клубом. А когда вечером загорится электричество, и фыркающий автобус помчится с зажженными фонарями через Кубанский мост, карачаевские волы шарахаются в сторону и недоуменно оглядываются по сторонам, позабыв и свою вековую жвачку, и природную медлительность.

Здание областного партийного комитета в г. Микоян-Шахаре.

В этом городе размещены все областные учреждения, здесь же прекрасная гостиница для приезжающих, громадное здание областной поликлиники и рядом с ней областная больница.

Город благоустроен. Проведен водопровод, канализация, электричество. Микоян-шахарская электростанция в 136 киловатт мощностью будет обслуживать город с его учреждениями и предприятиями. Кроме того, к концу пятилетки начнется постройка районной гидро-электрической станции на реке Кубани, мощностью в 25.000 киловатт. Строительство ее уложится в период с 1931 года по 1935, при чем в первую пятилетку ассигно-

вано на строительство 7.000.000 рублей, в следующую пятилетку 8.000.000 рублей. Эта станция имеет своим назначением обслуживание промышленности целого района и ряда крупных аулов Карачая.

На следующий день, осмотрев прекрасные здания областной больницы, облисполкома, наркомпочтеля, я зашел в статистический отдел для получения ряда статистических данных.

Территория Карачаевской автономной области занимает пространство в 782,8 тысячи гектаров. Это количество земли распределяется так: под усадьбами—5,72 тысячи га, сады и огороды—0,16 тысячи га, пашня—9,5 тысячи га, сенокосы—106 тысяч га, пастбища—252 тысячи га, лес и кустарник—229 тысяч га, остальную часть в 180 тысяч га занимают реки, горы и земли, которые использовать невозможно. Уже распределение земли показывает, что Карачай страна горных пастбищ, страна скотоводческая.

Карачай делится на три округа: Учкуланский, Хумаринский и Мало-Карачаевский. Количество населения в области—67.918 человек.

Здание Карачаевского облисполкома в Микоян-Шахаре.

Если сравнить данные переписи 1897 г., по которой карачаевцев числилось 27.222 человека, то станет ясно, как быстро растет население области (за 30 лет в $2^{1\frac{1}{2}}$ раза). Это без сомне-

ния объясняется особенностями горного климата и преобладанием молочной пищи в обиходе населения: ведь кефир и айран—главная пища карачаевцев почти круглый год.

Из окна верхнего этажа здания облисполкома, как на ладони виднеется старый Каменноостровский аул. Низенькие, вросшие в землю домики, как бы стесняясь, смотрят на новый культурный город. Отсюда идет культура в горы: образование, развитие промышленности, изменение быта. Тонкие провода телефона несут эту культуру вверх, к снежным горам, и карачаевец ждет с нетерпением, когда паровоз прорежет стальным своим ходом нетронутые дебри вековых гор.

Дома для рабочих и служащих в Микоян-Шахаре.

Микоян-Шахар—узловой центр сообщения с Тебердой, Учкуланом, Кисловодском и Баталпашинском. Автобусы Скагтодора летом переполнены туристами. Десятки карачаевских линеек по утрам отправляются в разные стороны.

Мне без труда удалось сговориться с учкуланским карачаевцем. Он взял 15 рублей, чтобы к вечеру доставить нас троих на тачанке в Учкулан (50 клм. от Микоян-Шахара).

Со мной ехали два карачаевца. Один—учащийся московского вуза, партиец, ехавший в Учкулан на партийную чистку; другой—подросток лет 16-ти. Он окончил школу I ступени в Учкулане и теперь приезжал в Микоян-Шахар хлопотать о командировке в техникум.

Проехали через аул. Дорога шла правым берегом Кубани. Бурная река пенилась и шумела.

Тину Эркенов (так звали подростка) очень любопытен. Он задает вопросы, интересуется, кто я и зачем еду в Учкулан. На привале я стал расспрашивать,—найду ли в Учкулане проводника, и сколько он возьмет с меня. Вузовец назвал мне несколько фамилий проводников и сказал, что обычно в Большом Карачае берут по 3 рубля в день за лошадь и рубль проводнику. Считая еще лошадь самого проводника, 7 рублей в день. Цена, по сравнению с Тебердой или Балкарией, дешевая, но все же мне не по карману.

Начало Кубанского ущелья (за Микоян-Шахаром, по дороге в Учкулан).

— А зачем тебе надо осматривать наши горы?—спросил Тину.

— А вот я осмотрю ваши горы, а потом их опишу в книжке.

— А будут ли снимки в книжке?—спросил он, рассматривая мой фотографический аппарат.

Я показал ему книжку с описанием Военно-Осетинской дороги. Он так и впился в картинки. Он с восхищением смотрел то на меня, то на мои снимки в книжке. Какая-то мысль родилась в его голове. Но он не решался ее высказать.

— А можно ли и меня поместить в книжке?—наконец, высказал он свою мысль, когда мы уже подъезжали к реке Дауту, где надо было покормить лошадей.

— Конечно, можно. Снять тебя, а потом перевести снимки в книжку.

— Возьми меня с собой в путешествие...

— Слушай, Тину, ты на Махаре был?

— Был.

— Давай вот как условимся. Я не буду брать лошадей. Пойдем на перевал вместе со мной. Я буду платить тебе.

— А ты меня поместишь в книгу?

— Если книжка будет издана, обещаю тебе, что помещу тебя в ней.

Очевидно, это больше всего заинтересовало Тину. Он быстро согласился, протянул руку, как знак согласия, и мы условились, где встретиться в Учкулане, чтобы обсудить дальнейший маршрут.

На 35 клм. от Микоян-Шахара, в красивом узком ущельи, стоит серебряно-свинцовый рудник „Эльбрус“. Сейчас он „спит“. Заводская труба печально смотрит на ряд пустых и молчаливых заводских построек. Стекла выбиты, виднеются части машин. Вон следы большого кирпичного завода, береговые укрепления когда-то бывших мостов, на острове Кубани— целый ряд каменных построек, очевидно помещений для рабочих. Через мост входим мы во двор рудника. Сейчас в нем лишь несколько сторожей.

Мы осмотрели только нижние штольни. Они идут в глубь горы, немного понижаясь. По стенам при свете фонаря виднеются блестящие жилки свинцовой руды. Завод существует уже 30 лет. Капиталисты-предприниматели эксплуатировали только поверхностные залегания. Ни одна выработка не идет ниже дна Кубани. И все же годовая добыча цинка составляла 3.000 тонн в год.

Добычу свинца и серебра предполагалось поставить широко. Ниже по Кубани, на реке Индыше, был построен серебряно-свинцовый рудообогатительный завод. Он работал кубанской водой при помощи турбины. Строился особый завод для электролиза цинка. Проведена была дорога от Каменноостского. Предполагалось провести дорогу через Индышское ущелье на Кисловодск (70 клм.). На работах было занято 2.000 человек. Суточная выработка одного свинца предполагалась в 50 тонн, а в год около 20.000 тонн. Но средств нехватило, и работы прекратились.

До сих пор завод не восстановлен. А возможности „Эльбруса“ огромные. Даровая движущая сила Кубани под рукой. В 3 клм. от завода есть выходы каменного угля, которым пользовался в свое время рудник. В окрестностях завода—богатые залежи асбеста, который раньше перемалывался на рудничной мельнице.

Проведенная в нынешнем году испытательная работа по исследованию кубанского асбеста показала, что местный асбест,

правда, не первосортный, к вывозу за границу не годится, но для использования в шиферной промышленности будет иметь большое значение.

„Спящий“ серебро-свинцовый рудник „Эльбрус“.

Главное же богатство „Эльбруса“—это свинец и серебро. Изыскания в этой области показывают, что свинцовые жилы в „Эльбрусе“ не имеют такой мощности, как в Садоне (Сев. Осетия), перемешаны с прослойками пустой породы, имеют частые перерывы вследствие сдвигов и сбросов пластов породы. Но, повторяю, эти изыскания до сих пор ограничивались лишь поверхностным слоем породы, в глубь земли не производились. Большая же нужда наша в белых металлах, поставщиком которых являются у нас лишь Садонские рудники, заставляет обратить самое серьезное внимание на „Эльбрус“, с тем, чтобы восстановить его и использовать богатства недр¹.

¹ „Учитывая рост потребности в цветных металлах, производство их по предприятиям Севкавказинка в течение пятилетия нужно максимально развернуть на основе усиленной эксплуатации разрабатываемых месторождений серебро-свинцовых руд и форсирования геолого-разведочных работ для вовлечения новых месторождений, обратив особое внимание на проведение геолого-разведочных и изыскательских работ в районе цинково-свинцового рудника Эльбрус, Згид, Хорст, Дигории и т. д.

(Из решений краевой партконференции).

Эксплоатация недровых богатств Большого Карачая затрудняется дороговизной транспортирования этих богатств в центр Союза. До ближайшей станции жел. дор. (Баталпашинск) от верховьев Кубани—100 клм, и подвоз к железной дороге добываемых материалов удорожает их в несколько раз. Когда осуществится проект постройки перевальной дороги в Сухум, и железнодорожный путь пройдет недалеко от Кубанского ущелья, тогда эксплуатация недровых богатств Кубани значительно удешевится. Р. богатств этих много.

— Предварительный и самый поверхностный подсчет рудных залегающих на Кубани дает значительные цифры. Еще в 1891 году были произведены измерения только 4-х жил в районе завода „Эльбрус“. В этих четырех жилах, обследовав их только на глубину 200 метров, нашли рудоносной массы 5.559.000 тонн. Чистого свинца из этой массы—650.000 тонн, чистого серебра—1.057 тонн. Существование рудоносных жил было определено и на Индыше, на Дауте, Учкулане, но больше всего залежей на реках Худесе и Кубани. Есть жилы до 3 метров в толщину, но большинство меньшей мощности, начиная от 20—30 см.

Кроме цинковой и серебряно-свинцовой руды, кроме большого количества ценного каменного угля, долина Кубани, как и долина Теберды, изобилует строительным материалом: огнеупорная глина, алебастровые и меловые отложения, ценный литографский камень и, наконец, строительный мрамор.

Залегания мрамора находятся в верховьях почти всех карачаевских рек: Кубани, Даута, Теберды, Агура, Маруха, Аксаута и др.

Карачаевский мрамор особенно ценен. Богатое разнообразие сортов, высокие технические качества и чрезвычайная красота. Мрамор залегает иногда громадными пластами в 80 м. толщиной. В Карачае имеется снежно-белый, особенно редкий мрамор, есть мрамор совершенно черного цвета. Особой красотой отличается мрамор по реке Марухе. Он—темно-красного цвета, там же имеется мрамор желтого цвета.

Значительная потребность в мраморе для развивающегося электростроения создает необходимость разработки карачайского мрамора.

В Учкулане.

Ночевка в ДРП. Скитания карачаевцев по Кавказским горам. Как карачаевцы боролись с царизмом. Поквартальное расположение аулов в Большом Карачае. В Карачаевской сакле. Как школа охватывает детей. Союз муллы и кулака. Горняк в строительстве новой жизни. На вершине Эльбаша. Горная гроза. Харун недоволен аллахом.

Мы приехали в Учкулан поздно вечером. Было темно. Ревела река. Переехали через скрипучий мост, взобрались на какую-то кручу. Темная масса белого здания вырисовывалась на звездном небе. Это дом работников просвещения.

Учкулан (южная часть его).

В двух чистых комнатах 6 коек с сенниками. Чистое белье, одеяла. Техническая служащая (она же заменяет и завдомом) записала меня в книгу посетителей.

— Вы по какому делу к нам?

— Я турист.

Она недоуменно уставилась на меня:

— А что это? В исполком или в раймилицию?

Я было пустился в объяснения (видно туристов здесь мало бывает), но спать очень хотелось. Показал ей членский билет Рабпроса, и этим она вполне удовлетворилась. Залег спать... Приятно было после целого дня тряской езды протянуться на постели. Кругом никого, а река все шумит и шумит. Близко. Как-будто со всех сторон...

Яркий луч в щель ставни разбудил меня. Сразу вспомнил, где я. Шум реки все тот же. Шесть часов утра. Выхожу на улицу.

Школа, где помещается дом Рабпроса, на самой верхней точке водораздела двух рек: Уллу-Кама и Учкулана. Сливаясь, они образуют Кубань. Кругом школы ряд зданий городского типа. За ними вдоль берега Учкулана расположился аул, который тянется к югу, насколько глаз хватает; конец аула скрывается за поворотом ущелья.

— Где Эльбрус?—спрашиваю я у карачаевца, который сидит на камне, ожидая начала работ в исполкоме.

— Эльбруса нет. Он—там, за горой,—показывает он направо и охотно объясняет местоположение.—Вон вдаль виднеется аул Карт-Джурт,—говорит он,—здесь, направо, начинается Хурзук. Три ущелья сошлись здесь, алан (алан—товарищ).

Так вот оно—сердце Старого Карачая. Здесь впервые осели карачаевцы, пришедшие из-за Эльбруса.

История появления карачаевцев и их расселения на Кавказе не установлена. Сами карачаевцы о своем происхождении рассказывают старую легенду, будто они вышли из Крыма лет шесть-сот тому назад под предводительством Карча.

Научные же данные говорят о том, что народ этот северо-кавказского происхождения, по типу родственный и осетинам и балкарцам.

Их язык—древне-турецкий. А с XVIII века под влиянием турок среди них распространилось магометанство.

Во всяком случае, карачаевцы долго блуждали по Кавказу в поисках удобных мест для поселения.

По преданию, первое их поселение было в верховьях реки Б. Зеленчука, „Старое жилище“—Архыз. Малочисленное племя не могло сопротивляться воинственным соседям. Из Архыза они перекочевали в Эльтаркач, отсюда на Бургустан и, наконец, на Баксан, на восточном склоне Эльбруса.

Но через 40 лет им снова пришлось вступить в борьбу с соседними кабардинцами (по нижнему течению Баксана). Кабардинские феодалы стремились обложить соседей данью. Длительная борьба между ними велась с ожесточением и переменным

успехом. Измученные борьбой, карачаевцы снова двинулись в путь, но теперь в сторону первого их поселения на Северном Кавказе—к Архызу. Так они набрали на верховья Кубани, где и обосновались окончательно.

Глубокое ущелье Кубани, огражденное Эльбрусом с востока и Главным хребтом с юга, упиралось с севера в непроходимую щель, которую пробуравила Кубань в горном массиве. Это место—узкий проход, с отвесными стенами каменных берегов, как-раз в середине дороги из Микоян-Шахара в Учкулан. Карачаевцы называют его „Аман-нхыт“, т. е. „проклятый проход“. На западе Кубанское ущелье ограничивается трудно проходимым высоким хребтом почти в 3.000 метров.

Учкулан. Северная часть (место слияния Уллу-Кама и Учкулана).

Вот в этой-то долине и расположились карачаевцы, 400 лет тому назад образовав в верховьях Уллу-Кама первое свое поселение—Хурзук. Дремучие сосновые леса, с массой диких животных, прекрасные пастбища для скота у подножья Эльбруса, на его северо-западном склоне (Бичесын), привлекли их. Но и здесь соседи не оставляли их в покое. Кабардинские феодалы, лишившиеся дани, сторожили карачаевцев с востока. Они часто нападали на карачаевский скот, вторгались в ущелье Хурзука и разоряли аул. Сваны из-за хребта отдельными отрядами охотились за карачаевскими пастухами на всех перевальных путях, угоняли

скот и убивали защитников. А снизу в Аман-нхыте часто появлялись абазинцы, и их надо было отражать с оружием в руках.

Так, в многовековой борьбе закалились карачаевские пастухи. Запертые теснинами, они привыкли к горным высотам. А пережитки родового скотоводческого быта можно наблюдать в их жизни и до сих пор.

Аул Хурзук стал тесен. Образовался аул Карт-Джурт, в переводе—старый аул, а потом Учкулан (три ущелья).

! Самое расположение этих аулов носит печать родового быта. Вот Учкулан. Он тянется на 7 километров, хотя населения в нем 6.500 человек. Каждый род занимает отдельный квартал. В квартале все жители носят одну фамилию. У каждой фамилии свое отдельное кладбище. Семнадцать фамилий в Учкулане и семнадцать кварталов. По фамилиям кварталов можно судить о родоначальниках данного рода. Наряду с фамилиями чисто карачаевскими (Коркмазовский квартал, Текеевский, Додтиевский, Долаевский и др.), есть фамилии, производные от русских, сванских и кабардинских выходцев: Урусовский, Семеновский, Богатыровский, Айсандыровский (испорченное—Александровский).

Это родовое начало в расположении аулов характерно для всего Большого Карачая. Так же расселены и аулы Даут, Джазлык, которые были заселены выходцами из Хурзука и Карт-Джурта лет через сто после возникновения последних.

Появление среди карачаевцев русских, сванских, кабардинских и других фамилий объясняется тем, что Карачай, немногочисленный по составу, охотно принимал в свою среду всех, кто приходил к нему, особенно храбрых и физически сильных людей: каждый защитник карачаевской самостоятельности был желанным членом этого общества, т. к. людей было мало (в 1828 г., по преданию, карачаевцев было 8.000 человек, а в XVI веке, во время переселения на Кубань, их было значительно меньше). Русские солдаты, бежавшие от николаевского режима, кровники-горцы, преследуемые кровной мстью, собирались в Карачай, и возможность укрыться от преследований на верховьях Кубани была хорошо известна на всем Кавказе¹.

История Карачая—история борьбы и страданий. Заняв недоступные горные ущелья Кубани и отбившись от кабардинских феодалов, Карачай в 1739 году был отдан под власть Кабарды по договору последней с Россией и Турцией. Кабардинские князья наложили на карачаевцев дань: 300 баранов от всех аулов, по мере пшеницы и по большому кувшину молока с каждого двора в год. Кроме этого, представители кабардинского князя отбирали от каждого табуна лошадь, от каждого стада—корову или барана.

¹ Дьячков-Тарасов—„Социальные формации Карачая“. Записки С.-К. Горского научно-исследовательского института, т. I, стр. 138.

Возмутительное отношение завоевателей вызывало постоянные восстания карачаевцев против феодалов из Кабарды. В начале XIX века Кавказ покорился царизму, и последним, после жестокой борьбы, пал Карачай (в 1828 году). Но на всем протяжении прошлого века мы видим непрекращавшиеся попытки Карачая к восстановлению своей самостоятельности. Карачаевцы помогают Шамилю в 1845-46 году, поднимают восстание после Севастопольской войны 1855 года; наконец, их недовольство царизмом вылилось в 1873 году в стремление карачаевцев переселиться в Турцию.

Царское правительство воспользовалось этим моментом с целью мести карачаевцам. Их вывозили в море, направляя будто бы в Турцию. На самом же деле, по выходе в открытое море, их топили тысячами.

Восстания жестоко усмирялись царскими правителями, а бедняки-карачаевцы расплачивались своим скотом и деньгами за борьбу с царизмом.

Падение царской России поэтому встречено было в Карачае восторженно. Но целый ряд причин задержал осуществление Октября в горах Карачая. Недоверчивое отношение к русским, в связи с отсутствием разъяснительной работы, скопление контрреволюционных банд, собиравшихся сюда из России после Октябрьского переворота, национальная рознь, разжигаемая агентами бело-бандитов и их приспешников, царских чиновников и офицерства из местных богатых родов, а главное—отрезанность от центров революционной пролетарской борьбы—все это создало такое положение, что только в 1920 году в глухие аулы Карачая начало проникать правильное освещение идей советской власти.

27-го ноября 1920 года на первом чрезвычайном съезде в Учкулане был организован первый революционный комитет Карачаевского округа.

В январе 1922 года, по постановлению ВЦИК'а, была выделена Карачаево-Черкесская автономная область, а в 1926 году Карачай был выделен в Карачаевскую автономную область (КАО), с административным центром в новом городе Микоян-Шахаре.

Утром пришел Тину. Сговорились итти на перевал через день, а завтра, в виде опыта, сделать небольшую прогулку на соседнюю вершину, Эльбаши.

С годня же решил осмотреть Учкулан.

Вокруг школы—центр Учкулана: здесь здание исполкома, почты, внизу у реки—больница, недалеко от исполкома—кооператив и столовая инвалидов. Это административная часть Учкулана и всего района. Здания небольшие, но городского типа. Покрыты железом.

Здесь—деловая жизнь. Десяток оседланных лошадей стоит возле исполкома, к больнице на арбе подвозят больного, в кооперативе непрерывной говор.

В кварталах совсем другая жизнь. Уныло стоит небольшая мечеть (в Учкулане 4 мечети), на улицах—пустота. Редко-редко пройдет мужчина, женщин совсем не видно. Все сакли выходят на улицу задней стеной—без окон, без дверей. Кривой узенький переулочек с обеих сторон огражден сплошной стеной саклей. Окна и двери каждой сакли выходят во двор, их с улицы не видно. И вся жизнь сакли идет там, внутри, скрываясь от постороннего взора.

Захожу во двор сакли. Сидевшая на пороге девушка быстро вскакивает и убегает в саклю. Из темноты показываются женские лица, но опять скрываются. Наконец, выходит старуха и молча смотрит на меня. На все мои вопросы она говорит что-то по-своему. Вскоре к нам присоединяются еще две женщины, помоложе. Они быстро говорят между собой, и вдруг одна из них топливо выбегает со двора.

Меня знаками приглашают сесть на чурбак. Сакля, низенькое зданьице, сложенное из толстых бревен, виднеется в глубине; перед ней навес на деревянных столбах, под навесом несколько чурбаков и круглых камней для сиденья. Навес построен так, что с правой стороны он ограничивается выступом сакли (там, где ворота на улицу), а с другой—упирается в надворную постройку вроде сарая. Это совершенно обособленное место, и его ниоткуда не видно. Здесь-то, вдали от посторонних взоров, и проходит жизнь карачаевки.

Вернулась женщина и привела карачаевца, знающего русский язык.

— Здравствуй, алан,—приветствовал он меня,—что скажешь?

— Нельзя ли нанять здесь проводника, ответил я, чтобы завести разговор.

— Нет, здесь мужчин нет. Все на кошах. А вот пойдешь в Кипкеевский квартал, там найдешь,—он назвал мне несколько имен.

Женщины с любопытством прислушивались к разговору. Из сакли выглядывала молодая девушка и каждый раз пряталась, когда я посматривал в ее сторону. Под навес вылезли трое детей—лет 5, 6 и 8.

— Алан, можно ли осмотреть саклю? Я никогда в саклях не был,—спросил я у карачаевца.

Он поговорил по-своему со старой женщиной. Та жестом пригласила меня пройти в саклю. Девушка шарахается в сторону, но... несколько слов старухи, и она успокаивается и с любопытством посматривает на меня.

В сакле полутемно. Два маленьких оконца (только в одном

стекло) кое-как освещают комнату (4,5×6 метров). Около стен низкие лавки, часть из них покрыта войлоком, здесь же лежит несколько бурок и еще какое-то тряпье. В углу небольшой деревянный шкафчик, рядом с ним несколько кадешек, узких, но высоких. В другом углу несколько медных кувшинчиков с длинными горлышками.

У стены большой котел, подвешенный на железной цепи к потолку. Над ним труба, т. е. отверстие в крыше, куда выходит дым. Сосновые бревна сруба, не штукатуренные, густо покрыты сажей. Под котлом, на земляном, плотно убитом полу, несколько камней. Виднеется пепел и обгорелые обрубки дерева.

Бедная карачаевская сакля.

Высота сакли не больше 2½ метров, так что среднего роста человек легко может достать рукою потолок.

Я сел на лавку, женщины расселись на маленьких чурбаках, девушка стала в углу. Начался разговор.

— Спросите, пожалуйста,—обратился я к карачаевцу,—сколько человек в этой семье?

Тот перевел вопрос и затем передал мне ответ:

— Али-Магомет (так звали хозяина сакли), его мать, вот его две жены, эта девушка—его дочь от старшей жены, а эти трое—от младшей.

— Где же сам Али?

— Али сейчас на коше, а женщины только вчера приехали оттуда с детьми, привезли айран и сыр. Кроме того, им надо здесь прополоть картошку и намолоть муки. А завтра они опять собираются в кош.

— Зачем же детей-то взяли сюда? Ведь кош далеко?

— Кош верст за 30. Как же не везти детей! Али—один. Он весь день с барашками. А вот старший (мальчику лет 8) помогает здесь матерям, он мелет муку.

— Как мелет муку?—удивлялся я.

— А вот посмотрите...—карачаевец сказал что-то мальчику, тот застенчиво повернулся в угол, где стояла незамеченная мною ручная мельница.

Мальчик завертел рукоятку. Небольшой мельничный жернов весом килограммов в 8, высеченный по краям зубцами, приводился во вращение деревянной втулкой с несколькими лопастьями. Кукуруза сыпалась горстями сверху.

— Сколько же он может смолоть так?

— А вот смотрите, сколько он за утро намолот,—и мне показали небольшую кадочку, приблизительно килограммов 5.

— За весь день с пуд наметет. Ведь, трудно ему... Часто отдыхает...

— Трудно нам... Плохо жить,—вдруг ломаным русским языком заговорила женщина помоложе,—кароший кош нет...

И она с волнением, перебивая и без того непонятную речь карачаевскими словами, стала рассказывать. У Али был сын от старшей жены, тогда с хозяйством справлялись. Но сын убит был на царской войне, теперь одному Али трудно. Вот мальчик подрастет, тогда легче будет. Плохо и с пастбищами. Издавна хорошие места заняты другими, а построить кош на новом месте Али не в силах. Одна надежда на помощь исполкома и ккова.

— Сын вырастет, тогда легче будет,—снова прибавила она.

Мой переводчик—Харун, насупившись, слушал ее. Затем он поднялся и, пригласив меня зайти к нему в дом, вышел.

— Вот он,—продолжала женщина,—он богатый, у него три сына, он еще нанимает работника-бедняка. У него много барашек. Вчера на собрании бедноты его лишили права голоса, он и сердит теперь.

Я стал прощаться. Но меня удержали. В деревянных чашках подали айрану, сметаны; на деревянной же тарелке поставили кукурузные лепешки. Знал, что отказываться—обидишь.

— Мальчик учится?—задал я вопрос.

— Нет, ему некогда, он помогает отцу.

Говорить было трудно, убеждать еще труднее. Я распрощался и вышел.

Бедна и неуютна была сакля Али. Земляная крыша, заросшая бурьяном, обсыпалась по краям. Щели между неотесанными бревнами стен замазаны глиной.

Когда я прощался с женами Али, я протянул также руку и старшей его дочери. Она, вспыхнув от смущения, отдернула свою руку и моментально скрылась в саклю.

За все время она не присела ни разу, не произнесла ни одного слова. В присутствии старших, оказывается, сидеть и вмешиваться в разговоры не полагается.

Через огород я прошел на другую улицу квартала в дом Харуна. Да, это действительно богач, по сравнению с Али. Дом крыт железом. В горнице, хоть и небольшой, ковры, много посуды, кирпичная печка с дымоходом. Деревянные табуретки. Даже сепаратор.

Так и набросился на меня Харун:

— Глупая женщина... жаловалась... Так аллах хочет... Никто не виноват. Был сын, аллах взял его. Али взял другую жену. От нее мальчик, мальчик вырастет, аллах поможет. Все от аллаха.

Пришлось и здесь отведать и айрану и сметаны. Только здесь ели ложками, а там макали в чашку кусочки лепешки и прямо из чашки запивали айраном.

Долго я ходил по кварталам. Редкие прохожие с любопытством осматривали меня. Некоторые вступали в разговор. И всегда первый вопрос: что нового? (хабар). Карачаевцы очень любопытны. Интересуются политикой, расспрашивали о китайских событиях, узнавали подробности о жизни в городах; двое из встреченных интересовались отношением соввласти к кулакам и лишенцам (они были взволнованы вчерашним постановлением бедноты, которая вынесла решение лишить трех кулаков права голоса). Женщины, проезжавшие в арбах, вставали при встрече с мужчинами, девушки старались скрыться в саклю, когда я неожиданно появлялся из-за угла. Собак совсем нет. Все на кошах.

Целый вечер я провел в разговорах с здешним районным инспектором народного образования.

— Всех школ у нас в Карачае,—рассказывал он,—около 50-ти. В них учится 4.853 человека. Из этого количества на I ступень приходится 4.744 человека, на II ступень—109 человек. В Учкуланском округе 10 школ, а в Карт-Джюрте построена и начала работать сельско-хозяйственная школа.

Большая просторная школа—в центре аула. Но в нее трудно было заманить детей, особенно девочек. Девочки боялись людей, боялись ходить в центр аула. Родители тоже против их хождения в школу. И вот учителя решили открыть отделения центральной школы в наиболее отдаленных кварталах. Наняли саклю в центре квартала, начали там вести занятия с детьми, которые уже посещали школу, а через них старались привлечь и других.

Пример, убеждения, а самое главное—любопытство—привлекают на занятия детей обоего пола. Свыкаются и родители, заходят, присматриваются к занятиям. После года занятий в отделении детей перевели в центральную школу, а в других кварталах открыли новые временные школы. Так школа идет в аул и вербует учеников показом своей работы, школа ломает вековую косность и несет культуру в карачаевский быт.

Насколько учителю надо быть осторожным и тактичным в своей работе, может свидетельствовать такой курьезный факт. Одна из учительниц решила при обучении грамоте повести борьбу с предрассудками. Разучивая напечатанное в букваре слово „сало“ (карачайцы—мусульмане, свинины не едят), она принесла в класс кусочек сала и, разучивши слово, повела речь о том, что сало такой же продукт питания, как и баранина, что не есть сала—предрассудок, остатки религиозной старины. В доказательство она тут же съела этот кусочек.

На следующий же день 90% учащихся не явились в школу. Больших трудов стоило убедить население, что учительница не заставляла учеников есть сало, не „опоганила“ их...

Мулла—эфенди еще жив в Карачае. В союзе с кулаками, отсталыми стариками, он ведет борьбу против новых форм жизни, с кораном в руках проводит он свою „работу“. „Коран“—священная книга мусульман—карачаевцев. По корану строится вся семейная и личная жизнь. Вот несколько выдержек из корана:

„Мы,—говорит коран,—раздаем жизненные потребности в этой жизни, возвышаем одних над другими в степенях, так что одни... держат других подвластными себе невольниками“ (коран, глава XLIII, стих 31). „Я благоизволил поставить уставом для вас покорность, ибо благо перед богом—есть покорность“ (коран XIII, 17). „Райские сады для тех, которые терпели, кто не идет против начальства и бога. Для тех же, кто не хочет мириться со своим положением, со своей нуждой, аллах приготовил ужасную кару: цепи, ошейники, пламя, одежды из огня, кипящая вода, рожны железные и вечные страдания“ (коран IX—14; XXII—20/21; XXIII—105, 106).

Муллы запугивают карачаевцев кораном. Но трудовое население постепенно перестает верить мулле. Беднота и середняки убеждаются в том, что через муллу и его коран говорит кулак, что через них и с их помощью он отстаивает свои интересы.

Классовая борьба в аулах Карачая неизмеримо обостряется. Кулак и мулла всячески противодействуют мероприятиям аульных организаций. Достаточная организованность бедноты и подъем ее хозяйства, развитие коллективизации в некоторых аулах—облегчают дело борьбы с классовыми врагами. Растут и крепнут в аулах Карачая партия и комсомол.

В Учкуланском округе до 200 комсомольцев и пионеров. Собрания бедноты, особенно женской, выступают на борьбу со старым бытом и религией. Несмотря на трудности этой борьбы, в силу еще некультурности населения, имеются большие достижения, что прежде всего сказывается на все возрастающей активности женщин беднячек.

„Исключительная активность горянок на перевыборах советов этого года, их явка на собрания в большем проценте, чем явка горцев-мужчин, лучше всего говорят о том, что пять лет упорной и тяжелой работы партии среди женщин в аулах дали свои результаты.

Если в 1926 году в советы было избрано 146 горянок, а в 1927 г.—158 горянок, и они на деле не работали, а только значились в списках, то теперь их не только будет больше, но они и значительно активнее. Их активность на перевыборах определенно говорит о том, что они будут и работать в советах, а выбранные на должности зампредов—руководить советской работой в ауле.

Если пять лет назад в Карачае не было ни одной горянки-коммунистки, то в 1928 году их было уже 39. Сейчас наблюдается рост заявлений о вступлении в партию со стороны батрачек и беднячек-горянок.

В кооперации пять лет назад не было ни одной горянки-пайщицы. В 1928 г. их стало уже 2.159—28% общего числа пайщиков. Членами правления ЕПО работает пять горянок, а в ревкомиссиях—шесть.

Артели и колхозы в аулах Каменномоетском, курорте Теберде, Георгиево-Осетиновке и других, где на руководящей работе стоят горянки, показали себя образцовыми объединениями. Первые огороды в ауле Тебердинском и Каменномоетском были введены горянками. Теперь уже некоторые горцы подражают им. А, ведь, в старое время, по адату, брать пример с женщины для горца считалось величайшим позором¹.

Солнце еще не вышло из-за гор, а Тину уже стучал ко мне в окно. Было очень яркое и прозрачное утро. Долины синели, а по зубцам гор кучились барашки облаков; иногда они отры-

¹ „Молот“. Январь. 1929 г.

вались от верхушек и неслись к северу. Над Эльбрусом стояло большое белое облако.

Мы поднимались на Эльбаши 4 часа, и в 9 часов утра были на вершине (2.400 метров). Сам Учкулан над уровнем моря 1.400 метров. Эльбаши поднимается над ущельем на 1 км. Она стоит на слиянии Уллу-Кама и Учкулана.

С Эльбаши—широкий кругозор. Эльбрус в верхней части, как на ладони. До него по прямой линии 15 км. Цепь снежных вершин сияет на юге. Зеленые ущелья Учкулана и Уллу-Кама открываются для глаз.

На севере и юге темнеют леса, вокруг аулов все вырублено. Для построек и на продажу карачаевцы вырубали лес вокруг аулов. Рубят все, что ближе и что удобнее срубить и увезти. От самого завода и до реки Махара нет лесов—остались лишь кустики по ущельям да на горах чернеют пятнами лесные площади.

Гора Эльбаши голая. На вершине—роскошная альпийская растительность. Трава до пояса, с массой цветов. Мы с Тину лежали целый час. Приятный ветерок освежал. Солнце ласково пригревало. Медовый аромат горных цветов наполнял воздух. Я стал расспрашивать Тину про его семью. Отца у него нет. Он умер 2 года тому назад. Две мамы и 2 старших брата. Один из братьев учится на рабфаке.

— Как же ты относишься к матерям? Свою больше любишь или одинаково обеих?

— Зачем одну больше... У меня две матери. И обеих я одинаково почитаю.

— А как ты относишься к братьям?

— Старший брат у нас—голова. Его во всем слушать должен каждый. Старшая мама с ним всегда советуется. Но и она без него ничего не может сделать. Вот когда средний брат окончит рабфак, старший женится, еще будет работница в семье.

Он говорил, как взрослый.

— А кто же стережет ваше стадо? Ведь ты и брат учитесь...

— Стережет старший брат, ответил он.

Вдруг Тину стал всматриваться в дальние горы. Посмотрел на Эльбрус, проверил направление ветра.

— Знаешь, алан, скоро дождь будет.

Я тоже посмотрел на горы. Все было ясно кругом. На вершинах лежали облака и только над долинами от гор протянулись как бы длинные мохнатые пальцы.

— Через час или полтора будет дождь,—повторил Тину,—надо спускаться. Тут наверху кошей нет, скрыться негде...

— Подождем еще полчаса, уж очень хорошо здесь...

Около одиннадцати часов стали спускаться. По совету Тину, спускались прямо на юг. Там, как говорил он, есть

зимние коши, где в случае дождя можно будет укрыться. Скоро снежные горы закрыло; над долинами, расширяясь в стороны, образовались тучи; вдали сверкнула молния и глухо заворчал гром.

В боку ложбины, промытой потоком, нашли мы пещеру—кош. Груда камней, сложенная стенкой перед пещерой, закрывала вход в нее. В глубине—закопченные камни очага.

Дождь хлынул как-то внезапно. Сквозь его гул, к которому скоро присоединился рев горного потока, раздавался оглушительный гром, десятки раз отражаемый горами. Стало холодно: бурок мы не захватили, а ситцевая рубашка—плохая защита.

Но Тину не растерялся. Он несколько раз выбегал наружу и приносил охапки листьев, стеблей и сучьев. Еще весной, во время таяния снегов, они скопились под камнями и лежали там защищенными от дождя. Затем он полез наверх, цепляясь за выступы пещеры. Из самого дальнего угла достал он пучок сухой травы. Уходя из коша, каждый карачаевец делает запас—„на растопку“. Тину знал об этом. Скоро вспыхнул огонек (спички, конечно, у нас были), а потом и большой костер запылал среди коша.

— Ну, значит, парень умелый,—подумал я про Тину, с удовольствием греясь у костра,—с ним можно идти и на перевал.

Дождь прекратился так же быстро, как и начался. Он шел с полчаса. Дождь еще только кончился, а на юге уже открылись голубые просветы неба. Скоро и солнце показалось. Верхушки гор засияли, наоборот—долины под нами были в беловатом тумане.

Мы стали спускаться и в 4 часа уже были внизу. Земля высохла, только горные ручьи бешено мчались сверху, и Учкулан вливался в Кубань мутным желтым потоком. Присели отдохнуть у дороги. Вдоль дороги—горный поток.

Поскрипывая колесами, на паре волов, в арбе подъехал Харун. Он остановил быков и подсел к нам. Видно было, что он навеселе. Он возвращался из Карт-Джурта. Вozил туда продавать барашек. Он не мог позабыть вчерашнего разговора жены Али. Снова начал говорить про аллаха, про покорность судьбе. От него ясно несло аракой (самогонная водка).

Солнце уж за гребнем, лишь верхушки на востоке еще золотятся. Унылый, протяжный гортанный крик пронесся над долиной: „Ал-лл-аа—гу-уу! Ак-ба-аа-р... Ала-илхааа-аилла... Бис-ссс-милла!“ То мулла с верхушки мечети в Кипкеевском квартале призывал „правоверных“ на вечернюю молитву.

Харун прервал свои излияния. Он снял чевяки, помыл ноги в ручье, разостлал на бережку свою бурку и, став на нее босиком, поднял руки кверху.

Долина как бы притихла. Там и сям виднелись молящиеся фигуры. Я с интересом наблюдал эту странную картину. Женщины на огородах, мужчины около мельницы—воздевали руки кверху, потом торопливо прикладывали их к груди, ко лбу, становились на колени, ударялись лбом о землю и на несколько секунд застывали в таком положении.

Все это проделывал и Харун. Он еще не окончил молитвы, как его волны, очевидно наскучивши ожиданием и соблазнившись зеленой травкой на той стороне потока, вдруг повернули арбу, вошли в ручей, выбрались, опрокинув арбу, на другой берег потока и меланхолично начали щипать освеженную дождем траву.

Харун скакал и ругался на этом берегу. Перескочить поток не было возможности. Харун стал снимать штаны. Входя в ручей, он случайно зацепил ногой сброшенные штаны, и край их попал в воду. Сильный поток моментально стащил штаны в середину течения и, завертев, понес вниз по течению.

С криком бросился Харун в воду, но поскользнулся, упал, а черное пятно штанов неудержимо прыгало по волнам... Показалось еще раз в волнах Уллу-Кама и, закружившись, потонуло в пене потока.

Как безумный стоял Харун, глядя на бурную реку. Он всплескивал руками, грозил кому-то кулаком и бормотал на своем языке.

— Деньги, деньги у него унесло в кармане,—вдруг закричал Тину и поднялся, как бы собираясь пуститься за ними в погоню. Харун все стоял, не спуская глаз с того места, где в последний раз виднелось черное пятно.

— Харун, а Харун,—обратился я к нему, должно быть, аллах наказал тебя. Ну, и терпи спокойно...

Он с бешенством, сжав кулаки, повернулся ко мне.

— К дьяволу! К чорту!—заорал он,—убирайся к дьяволу со своим аллахом!

И, схватив камень, он бросился через поток к своим быкам.

На карачаевской свадьбе.

Магомет похитил Нану. Сговор стариков. Опрос невесты и жениха. Написание „некях“. Свадебное веселье, только не для невесты.

Я думал рано залечь спать. Но в 6 часов прибежал Тину.
— Алан, пойдем на свадьбу. Хочешь посмотреть нашу свадьбу?
Очень обрадованный, я сейчас же собрался.

Мы подошли к дому Урусбиева. Около дома стояла кучка молодежи. Средний брат Тину объяснил мне все происходящее¹.

Сын Урусбиева, Магомет, третьего дня похитил девушку из рода Койсуратовых, старшую дочь Нану. И хотя жених и невеста любили друг друга, родители невесты заупрямились и неотрез отказались дать свое согласие.

Три дня „келечи“,² умнейшие и почтеннейшие карачаевцы, осаждали дом Койсуратова и употребляли свои испытанные дипломатические приемы, чтобы склонить отца и мать девушки дать свое согласие на брак с сыном Урусбиева—кто не знает и не уважает его, этого лихого джигита Магомета, который к тому же так бойко и свободно говорит по-русски.

Наконец, желанное согласие родителей невесты было достигнуто. Сначала уломали старика Койсуратова. А после этого порядочному келечи „работы“ оставалось на полчаса. В конце концов дала свое согласие и старуха-мать. Собственно говоря, она и прежде ничего не имела против брака дочери с молодым Магометом, но отказывалась благословлять бегство дочери единственно потому, что отказывался глава семьи—сам старик.

Целых три дня продолжались переговоры между Урусбиевыми и Койсуратовыми. Целых три дня томилась красавица Нану в доме Урусбиевых, как чужая, окруженная своими родственниками, двоюродными братьями, которые все время неотлучно находились при ней. И за все три дня она ни разу не

¹ Описание свадьбы заимствовано у И. Карачайлы (статья „Некях“ „Сов. юг“ 1924 г.) и относится к 1924 г. В настоящее время очень многое в быту уже изменилось. В частности, если в отдельных случаях и проводится торг о калыме и его размерах, то это делается тайно, т. к. запрещается советскими законами.

² Сваты.

видела Магомета. Теперь, спасибо мудрым старикам, остается только со рать всех близких, друзей, знакомых и незнакомых, которых пошлет судьба,—и написать „неках“ (свадебная запись).

Теперь вопрос только в сумме калыма за Нану. Вот зачем собрались старики. Центром собрания был эфенди, который должен был написать „неках“. После ряда вопросов о здоровье и взаимных любезностей между гостями и своими один из окружавших Урусбиева извинился, что он при таком большом количестве почетных и дорогих гостей берет на себя смелость напомнить о том „добром деле“, по которому они все здесь собрались.

— Дай бог,—сказал он,—чтобы нашему веселью и нашим радостям не было конца, чтобы с обилием и благодатью мы никогда не расставались. Но я думаю, что всякое веселье будет уместно и прилично тогда, когда мы сделаем самое важное, когда мы разрешим вопрос о размерах калыма. Когда напишем „неках“, тогда будет уместно сидеть и веселиться. Вы, старшие, вы, эфенди, не найдете ли нужным обсудить этот вопрос. Как вы смотрите, наши мудрые старики?

— Да, конечно, Юнус прав, надо начать дело,—поддержал один.

— Юнус прав, пора приступить к делу,—сказал другой.

— В самом деле, пора приступить к делу и кончить его, а потом... потом можно сидеть и говорить сколько угодно.

— Я думаю,—сказал Урусбиев,—что нам особенно долго толковать не придется. Мы все здесь свои, все уроженцы старого Учкулана. Нет ни карт-джуртцев ни хурзукцев. Следовательно, мы все свои люди и, как свои люди, пойдем друг друга. Конечно же, я ничего не имею против того, чтобы прямо перейти к делу. Как вы думаете?

— Знаете что,—сказал старик-гость, обращая свою речь ко всему собранию,—разрешите нам, старикам, мне и Урусбиеву, удалиться для совещания.

— Так-то скорее дело будет,—поддержал еще кто-то.

Прошел час. Не осталось, кажется, за это время ни одной политической темы, которой бы не касалось собрание. Но стариков все нет как нет. Теперь вот и ждут их; как договорятся, так и свадьба начнется,—закончил свой рассказ брат Тину.

— Каков же обычно бывает калым?—спросил я.

— Размеры почти всегда одинаковы,—ответил он,—всегда пара лошадей, одна с полным набором, пара быков, с прибавкой денег—обязательно. Зато родственники невесты должны одарить родственников жениха—дать „берне“. При чем эти подарки должны быть ценными—в зависимости от величины калыма. Эфенди пишет „неках“, т. е. сделку. Жениховы и невестины родственники улаиваются между собою, назначают калым.

Но так как соввласть запрещает калым и преследует его, то мулла пишет „некях“ тайно. При заключении „некяха“ не мало перепадает и мулле.

— Но как же так? Ведь такой брак, по нашим законам, не является официальным. Надо же зарегистрироваться.

— Да они и регистрируются потом. Но „некях“ все же пишут. Теперь много браков и без калыма, без „некяха“ проводится, но даже и при этом часто совершается похищение, как обычай старины, хотя это похищение устраивается уже после обоюдного согласия.

В это время дверь кунацкой отворилась, и трое вышли оттуда. В числе их был и старший брат Тину.

— Сговорились. Идем свидетелями—опрашивать жениха и невесту.—шепнул он нам.

Невеста находилась тут же, в этом доме.

Делегация стукнула в плотно закрытые двери. Прежде чем открыть, оттуда спросили, кто стучит. Получив ответ, немедленно сняли крючок и пропустили нас (брат Тину и меня потащил за собой).

В комнате было человека четыре самых близких родственников невесты, девушек и юношей. Они неотлучно находились при ней. При нашем появлении все встали. Голова невесты была покрыта черной шелковой шалью, доходившей почти до земли. Лицо было полузакрыто. Были видны только лоб и слегка опущенные глаза. Нам предложили сесть.

— Мы в кунацкой засиделись против всякого ожидания,—начал глава делегации,—теперь нам некогда здесь сидеть, хотя сидеть с вами нам было бы очень приятно. Мы свидетели и явились для выполнения своего почетного дела. Итак, начинаю...

Он подошел близко к смущенной невесте, сказал обычную фразу о том, что ее выдают замуж за такого-то и такого-то, и закончил вопросом:

— Разымса (согласна ли)? Молчание. —Итак, разымса, Нану?—повторил он вопрос. Смущенная невеста, опустив глаза, продолжала молчать.

— Ну, скажи, Нану, разымса?

— Закона нечего стыдиться,—старался ускорить дело стоявший тут же двоюродный брат невесты.

Но Нану попрежнему молчала.

— Ну, и девицы же пошли... Удирают из родительского дома, не считаясь с волей отца и матери, а когда в нужный момент спрашивают их, они же еще ломаются, не желают отвечать,—полусердито, полушутя говорила молодая женщина, родственница невесты.

— Так и быть,—заговорил снова делегат,—мы отвернемся, не будем смотреть на тебя, только отвечай на вопрос, и мы сейчас же уйдем.

Мы отвернулись, чтобы не смущать невесту.

— Нану, эгешчигим (сестрица), разымса?

— Разымса,—послышался тихий голос.

— Так бы и давно... еще ломается, любя ломается,—продолжала журить невесту ее родственница.

Делегация повернулась и пошла на половину жениха. Магомет в кругу товарищей оживленно что-то рассказывал. И ему задали обычный вопрос. Но здесь было легче.

— Не стал бы я три дня беспокоить вас, уважаемые, если бы не был согласен. Да, согласен.

Мы двинулись в кунацкую. Брат Тину ввел и меня туда. Никто не обратил внимания на меня. Эфенди, услышав от свидетелей о согласии молодых, поднялся.

— Поверенные, не осуждайте меня за беспокойство, поднимитесь и подойдите ко мне ближе,—сказал он.

Навстречу поднялись два уполномоченных и протянули друг другу правые руки. Встали все присутствующие. Все затихло.

Мулла взял обе руки в свою левую руку и, соединив мягкими частями два больших пальца обеих рук, крепко сжал их своей рукой и начал читать по-арабски никому непонятную, длинную молитву. Он читал, закрыв глаза, и через каждые 10—15 секунд останавливался. А присутствующие, люди бывалые, по условию повторяли: „аминь“. Да сбудутся все добрые пожелания молодым, которые высказываются в этой молитве!

Не помню, сколько раз повторялось это „аминь“, но, вообще, молитва продолжалась, примерно, четверть часа.

Было очень смешно смотреть на всю эту церемонию. Торжественное лицо муллы, его гортанный голос, выкрикивающий непонятные слова, сосредоточенность стариков—все это отдавало такой стариной, такой оторванностью от окружающей новой жизни...

Веселые искорки в глазах молодежи ясно выдавали их несерьезное отношение к этому старому обряду.

Наконец, молитва кончилась. Мулла освободил сжатые пальцы поверенных и поздравил новых родственников, пожал обоим поверенным руки и в витиеватых выражениях пожелал молодым, чтобы они также видели собственными глазами счастье своих детей, как его видит сегодня престарелый Урусбиев.

Немедленно после этого поздравления двое молодых людей, из числа стоящих тут же, кинулись сообщать молодежи в хозяйскую половину и на улицу радостную весть, что венчание уже состоялось, „некая“ уже написан.

Я вышел на улицу. Толпа веселилась. В доме послышалась музыка. На гармонике играли лезгинку.

— Пойдем, Тину, смотреть на танцы!

— Нет, мне нельзя.

— Почему ж?

— У нас такой закон: если старший брат на свадьбе, то младшие там не могут быть.

И здесь опять то же почтение перед старшими: нельзя перебывать дорогу старшему брату.

Я зашел в дом. В дверях толпа. Двумя кучками стояла молодежь. На одной стороне мужчины, на другой—девушки. В середине танцующая пара. В углу девушка с гармоникой в руках. В другом углу—Нану. Она все в вуали, стоит тихо, опустив глаза. В толпе молодых людей—Магомет. Он скалит белые зубы, смеется и делает вид, что не обращает внимания на Нану. Но иногда, как бы без его воли, глаза мгновенно останавливаются на ней, и он не может оторвать их. И Нану чувствует этот взгляд. Она поднимает глаза и, вспыхнув, снова опускает их.

Я дернул за рукав брата Тину.

— Скажи, почему Нану не веселится?

— Чудак, она целый вечер так должна простоять. Ей нельзя веселиться. Адат не позволяет.

— А почему же муж к ней не подходит?

— Что ты! Да он при старших и дома не покажется вместе с ней долгое время. Пока у нее не будет ребенка, с ней в доме и говорить-то не будут. Таков закон. Впрочем,—прибавил он,—Магомет не таков. Он не верит в адаты. У него будет все по городскому. Это он пока родителям честь делает.

Гостям и в доме и на улице разносили араку, пиво, сыр и лепешки.

— Слушай, Тину,—сказал я, отыскав его в толпе молодежи,—завтра рано пой ем на Махар,—пора и спать.

Мы расстались до утра.

От Учкулана до Махара.

„Зимние пастбища“. Летние коши. Там, где Махар сливается с Гондараем. Место для будущего курорта. Неиспользованный нарзан. Оригинальное лечение. Как воспитывают детей.

В 6 часов утра мы были уже за Учкуланом. То мы обгоняли, то нас обгоняли арбы. Запряженные парой волов, эти неуклюжие экипажи скрипели по дороге к югу. Встретились и едущие оттуда, при чем при встрече с мужчинами женщины-карачаевки вставали на арбах и, держась за грядушки арбы, проезжали мимо.

— Почему они встают?— задаю я вопрос Тину.

Группа карачаевок около сакли. (Фот. д-ра Лотошникова).

— Женщина перед мужчиной всегда встает,—был ответ.— Встают перед взрослыми, вот передо мной они не встанут.

Мы шли рядом с карачаевцем. Узнав, что мы идем на Махар, он предложил проводить нас до нарзана; около нарзана его кош, и мы там можем остановиться и отдохнуть.

Разговорились. Во многих семьях и до сих пор на женщину смотрят, как на рабочую силу. Она и в поле работает, сгребает сено, доставляет дрова с гор, она же занята выделкой сукна и войлока. На ее обязанности лежит обливать семью. Она и за скотом ухаживает. За одним столом с мужчиной женщина не садится. Даже в правах, по карачаевским народным обычаям, она не приравнивается к мужчинам. Например, при распределении наследства между детьми, по корану и адату, две дочери приравниваются одному сыну.

„Зимние пастбища“ под Учкуланом.

Особенно тяжело положение невесток. На них сваливается вся тяжелая работа. До первого ребенка она не смеет разговаривать со старшими (а некоторые не разговаривают даже имея нескольких детей, по обычаю „тиль тутан“, т. е. „язык держать“). Она никого не называет по имени, даже мужа, говоря о нем в третьем лице. Это настоящая затворница-работница.

Девушки в гораздо большей степени пользуются свободой. Правда, считается неприличным без дела показываться на улицу.

Но на свадьбах и вечеринках они могут свободно говорить с молодыми людьми, петь, танцевать, чего замужним женщинам не дозволяется. Единственное развлечение женщин—это „покалякать“ с соседками.

Советская власть ведет борьбу за раскрепощение женщины-горянки. Агитация женотделов, собрания женщин-беднячек создают женщину общественницу, активистку. Курсы горянок в городах готовят женщин—строителей жизни и борцов со старым бытом.

Потянулись „зимние пастбища“. Сейчас они пустуют.

Все стада в горах, на летних пастбищах. Целый год карачаевец движется со своим стадом за кормом. Летом скот угоняют к перевалам и снежным вершинам, иногда за 100—150 км. Там стоит у каждого „кош“, т. е. летнее жилище.

Это обычно самый незатейливый сруб из грубых бревен, высотой в рост человека. Сруб этот не имеет окон, даже и дверь не повешена—ее заменяет отверстие в стене. А крыша из досок, дранок или просто навален хворост, а на него насыпана земля. Костер разжигает я прямо посередине коша, дым выходит в отверстия крыши и стен. В углу набросано сено, на нем спят обитатели коша.

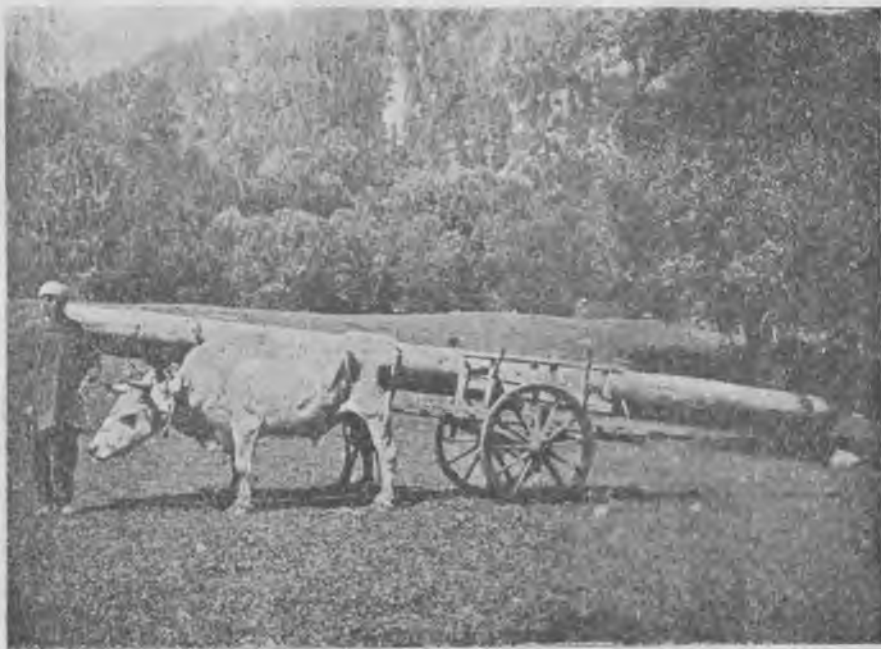
Такие коши устраиваются в лесистой местности. На перевалах же, на горных альпийских лугах, где леса поблизости нет,

Летний кош карачаевца (при коше помещения для скота).

кош строится из камней. А то просто в пещере, под большим камнем, живет семья карачаевца. Одежда, бурки, полости, несколько бурдюков (баранья шкура, заменяющая мешки), тазов и кадок для айрана и сыра—вот незатейливая обстановка коша.

В таком коше живет летом семья и сам карачаевец. Дома, в ауле, остается обычно одна или две женщины для огородных работ, а часто и никого не остается, и тогда дом в ауле запирают.

По дороге в Баталпашинск за хлебом.

В коше идет неустанная работа. Молодежь обычно пасет скот: стадо барашек и стадо коров. Женщины шьют одежду для семьи, делают войлочную обувь, подшитую кожей; мужчины готовят припасы на зиму: айран, кефир, сыр, масло. Все это заготавливается в кадках. Когда кадки наполняются, продукты перекладывают в бурдюки и отвозятся в аул, а опорожненные кадки начинают наполнять снова. Считается, что на семью в 10 человек необходимо заготовить на год молочной пищи не менее 5 кадушек, в 30 ведер каждая.

Это постоянная пища карачаевцев круглый год. Мясо разрешают себе бедняки только в самые торжественные дни: в праздники, на свадьбе. У зажиточных мясом питаются чаще. Хлеба

едят очень мало—его нет в горном Карачае. Кукурузу покупают карачаевцы на плоскости, в Баталпашинске. У себя мелют ее в муку и пекут из нее пресные лепешки. Часто бывает, что муки в коше нет (ехать за ней надо целую неделю, на быках по горным дорогам не очень-то быстро проедешь сто клм. туда и сто обратно) и тогда семья целыми неделями питается только кислым молоком и сыром.

Стадо карачаевца на высоко-горных альпийских лугах.

Вот в таких условиях жизни и постоянного труда живут карачаевцы на летних пастбищах. Но земли для скота кругом мало. Поэтому угоняют скот далеко, в Майкопский и Терский округа, где карачаевцы арендуют землю. В конце лета, в августе, скот перегоняется на зимние пастбища, где в это время идет сенокос.

„Зимние пастбища“ расположены, главным образом, в районе западного Эльбруса, где этот кавказский великан защищает местность от восточных холодных ветров. Знаменитый Бичесын—большая территория на запад от Эльбруса—является главным местом зимних пастбищ.

Почти весь год основная масса скота на подножном корму. Сено, собранное в долинах около аулов, дается обычно слабым, больным животным да еще коровам, оставленным в ауле для молока. Даже зимою, в теплые дни, скот держат на подножном корму, а ночью дают сено. А если выпадет большой снег или наступит сильный мороз, тогда—беда. Скот мерзнет, голодает и падает массами.

Итак, мы шли среди близульных зимних пастбищ. Зеленый ковер травы густо покрыл всю долину. Эти луга заливные. Горные ручьи проведены канавками по лугам и после дождей заливают их. Там, где ручьев нехватает, делаются отводные канавы из Учкулана, которые увлажняют почву и способствуют буйному росту травы. Камни, разбросанные по долине и мешающие росту травы, собраны в кучи или длинными заборами стоят по дороге. На склонах гор виднеются пустые теперь коши.

20 километров в разговорах прошли незаметно. Подошли к слиянию Махара с Гондараем. Эти две речки, соединяясь, образуют Учкулан. Место слияния—красивейшее место дороги. Высокие лесистые хребты трех ущелий поросли густым сосновым и еловым лесом. Учкулан течет по роскошной зеленой долине, которая так и просится под курорт.

Долина, где сливается р. Махар с Гондараем.

Долина небольшая, но очень красивая. В ней сходятся три реки. Справа, с большой высоты, прыгая со скалы на скалу, мчится Махар. Берега его густо покрыты столетними соснами и елями. Голубая вода пенится в быстром течении. Падение очень крутое. Это, собственно говоря, большой водопад, длиной в километр. Прямо на юг виднеется ущелье Гондарая. Оно запирается снежными вершинами главного хребта, отрогами горы Гвандры (около 4000 м.). Налево виднеется зеленое ущелье реки Джалпаккола, питающейся ледниками горы Ак (3.570 м.).

Вершины окружающих долину гор покрыты альпийскими лугами. Среди зеленого их ковра в ложбинах ослепительные пятна снега. В средних частях гор много водопадов. Дно долины, без сомнения, бывшее озеро¹. Оно—горизонтальная плоскость и река Учкулан—широко и медленно несет здесь свои воды. В начале этой плоскости высокая скала, запиравшая когда-то выход реки. Учкулан пробил стену узкой щелью. Если сделать здесь плотину, озеро в несколько квадратных километров заполнит прежнее ложе. Это еще более усилит красоту и значение будущего курорта

Долина лежит на высоте в 1.600 метров; защищенная от ветров и напоенная запахом хвойного леса она может служить великолепной высокогорной климатической станцией. Колесная дорога, которую очень легко приспособить к автомобилю, уже имеется. Леса для построек сколько угодно, здесь же близко, всего в одном километре и нарзан.

По крутой дорожке, высоко над голубыми каскадами Махара, поднимаемся к нарзану.

Нарзан выходит из земли на самом берегу Махара. Котловина выхода небольшая, в 10 кв. метров. Со дна ее поднимаются с десятков нарзанных ключей разной величины. Три из них наиболее мощные. Белой шапкой бьет фонтан пузырястой воды. Вода холодная—8 градусов. Если наклониться над выходом струи, то задыхаешься от обилия углекислоты, выходящей в воздух. Вода очень вкусная и крепкая. По моему, она вкуснее кисловодского нарзана.

Если бы собрать всю минеральную воду, выходящую здесь из земли, то дебет (количество) ее, вероятно, не менее 50.000 ведер в сутки. Источник этот углекисло-железистый, так как вся почва и камни вокруг покрыты красным осадком железа. А один из выходов нарзана, тут же рядом, оставляет на камнях белый налет. По вкусу различия в источниках нет. Вероятно, белую окраску камням дают отложения извести, находящейся в почве.

Если по трубе нарзан провести в долину (всего 1 км.), то будущий курорт получит первоклассное значение.

Приняв нарзанную ванну, я стал осматривать местность вокруг нарзана. Густой сосновый лес покрыл круто поднимающуюся от Махара гору. Почва глинистая, камни красные от налета. Много ям, на дне которых лежат круглые голыши.

— Что это за ямы?—спрашиваю у Тину.

— Здесь лечатся больные. Привезут сюда больного, выроют яму в рост человека, на дно накладывают камней и на камнях разводят костер. Когда камни раскалятся и костер погаснет, камни

¹ См. статью Дьячкова-Тарасова. Бюллетень (№ 2—4) горного отделения С.-К. Краевого научно-исследовательского института.

орошают водой из нарзана, на дно бросают бурку, сажают на нее больного, а сверху яму закрывают также бурками.

— И долго он там сидит?

— Да смотря по болезни... Пока не начнет задыхаться. Говорят, бывали случаи и мертвых вынимали из ямы.

— Ну, и что же, помогает?

— А как же, вся земля тут целебная. Вот земляной дух-то и помогает.

— А водой-то лечатся?

— Водой лечатся от других болезней. Вот, если ноги ломит или руки болят, тогда в воде купают. А в ямах от внутренних болезней лечат: от грудной болезни, от удушья, кашля. Хорошее место для людей!—восторженно говорит Тину.

Махарский нарзан (Главный выход нарзана—ниже сидящего Тину).

Да, место хорошее. Велики здесь богатства природы, но мы ими пока еще не пользуемся. В будущем курортном строительстве края Махарский источник займет свое почетное место. Будем надеяться, что в следующую пятилетку мы приступим к постройке курорта на Махаре.

— Есть ли еще у вас такие источники?—расспрашиваю я.

— Как же, много. Вот недалеко от аула, по реке Учкулан-Иги, есть кислая вода. Ближе сюда, на левом берегу Учкулана,

есть тоже источники. Дальше, к самому перевалу, еще несколько а вот под Эльбрусом, за Хурзуком, так там штук тридцать нарзанов, целая долина их. А один из них „Тахтар-нарзан“—горячий. Много их в горах. Всех и не знаем...

— А чем вы еще лечите больных?

— Много есть способов.. Старые люди знают про них...

Группа карачаевцев около сакли (фото д-ра Лотошникова).

Оказывается, знахарство у карачаевцев распространено. Бабки-знахарки в почете. Муллы тоже принимают деятельное участие в „медицине“. От целого ряда болезней они пишут на бумажке (конечно, за деньги) отрывки из корана, бумажку эту зашивают в кусочек материи, и этот талисман вешают на шею больному. Еще сохранился в некоторых аулах Карачая обычай, по которому, чтобы оградить детей от заразы, режут барана и кровью его мажут лбы у здоровых детей. Существует и целый ряд других более варварских знахарских лечений. Так, при родах знахарка взваливает на спину к себе роженицу и встряхивает ее, или кладет роженицу на одеяло и начинает катать. При подобных способах лечения часто происходит заражение крови.

Вообще, смертность среди населения Карачая значительна. Она достигала 18% населения, детская смертность—14%. Эти высокие цифры смертности, особенно среди детей, объясняются

некультурностью и трудностями жизни, а также отсутствием в прежние время какой бы то ни было медицинской помощи в аулах.

Только советская власть стала развивать в Карачае сеть больниц и амбулаторий. Теперь по области имеется 5 больниц (1 в городе и 4 в аулах) и 14 амбулаторных пунктов. Областная больница в Микоян-Шахаре имеет 80 коек. В области работает больше 50 врачей. Но население, в силу своей темноты и занятости, в легких, как им кажется, случаях заболеваний предпочитает лечиться „своими“ средствами, что усиливает процент смертности.

Как раз во время нашего разговора около нарзана прибежал из лесу молодой карачаевец. Он рубил дрова и по неосторожности отрубил себе палец на левой руке (верхний сустав указательного пальца с ногтем). Он принялся мыть палец в нарзане. Отрубленный же кусок, завернутый в тряпочку, спрятал в карман.

Со мной был пузырек йода. Удалось уговорить его смазать йодом отрубленное место, но до больницы в Учкулане 30 км., и убедить его отправиться в аул было нельзя. Нельзя было бросить стадо. Не знаю, что случилось с ним дальше, но и в этом случае могло быть заражение крови. Много еще культурной и санитарной работы требует Карачай.

Азрет Кипкеев, с которым мы шли всю дорогу от Учкулана, привел нас в свой кош. Жена с двумя маленькими детьми (одному 4, другому 6 лет) встретила нас. Старший сын (12 лет) был со стадом на горе. Ни приветствия, ни ласки не было при встрече. Только мимолетный ласковый взор карачаевки выдал ее нежность к мужу. Она стоя выслушала какие-то распоряжения и вышла.

— Садись сюда,—сказал Азрет,—здесь место гостю.

Я сел на камень, против очага. Тину, как гость, поместил рядом. Хозяйка принесла в чашках айрану, сметаны и лепешки. Все это она подала мужу. Тот предложил нам. Дети молча сидели на пороге коша, глядя на меня во все глаза. Я вынул из сумки сахар и протянул им. Дети не брали сахара и молча глядели на отца. Тот что-то промолвил—маленькие смуглые ручонки протянулись за сахаром.

— Что Азрет сказал им?—спросил я Тину.

— Он позволил им взять сахар.

— Почему дети такие молчаливые? Что они боятся что ли, тебя? Ты не бьешь ли их?—обратился я уже к Азрету.

— Нет, не бью. Да у нас детей никто не бьет..

Тину перебил его:

— Ты не удивляйся, алан, у нас родители не балуют детей. Такой порядок.

— Вот Азрет приехал из Учкулана, он хоть бы поцеловал ребят, взял бы их на руки, поздоровался?

Азрет усмехнулся: он, как видно, понял мои слова.

— Пусть в сердце чувствуют, что я люблю их,—сказал он,—а целовать да миловать—карачаевец не будет.

Тину многое рассказал мне про отношения карачаевца к детям и к жене. Нежности и ласки не допускаются по отношению к детям. Тину не помнит, чтобы покойный отец когда-либо взял его на руки или поцеловал. Мать ласкала и целовала его в детстве. Проявить нежность к жене при посторонних считается неприличным.

Седло-гора под Махарским перевалом.

Пока Тину рассказывал все это, Азрет доел свою порцию айрана и вытер руки о полы бешмета. Закурили.

— Хабар? — задал Азрет обычный вопрос.—Будет ли война с Китаем? Сколько у Китая войска?¹

— А откуда вы слышали про китайские дела? Разве вы читаете газеты?

— Нет. Где же тут газеты? Вчера в ауле говорили хабар.

— Нет, думаю, что войны не будет. Наше советское правительство не пойдет на удочку империалистов.

— А кто же эти империалисты?

Стараюсь выяснить положение, говорю об Англии, Франции. И вдруг—вопрос: „А во сколько дней китайские войска могут

¹ Разговор шел о конфликте на КВЖД.

дойти до Учкулана?" Теряюсь и чувствую, что не в силах в короткой беседе разъяснить все вопросы. Азрет настойчиво допрашивает, будут ли забирать скот в случае войны, какие возрасты призовут. Чувствуется, что его интересует и личное, близко его касающееся.

Долго расспрашивает он о железной дороге, об автомобиле, об аэропланах. Дело в том, что недавно в Учкулан был пущен автомобиль из Микоян-Шахара. Часть населения раньше никогда не видала автомобиля. Вопрос, как идет в гору машина без быков, занимал многие головы в тот день. А Азрет, хоть не грамотный, но видел и автомобили и „пуф пуф“, т. е. паровоз. Его интересуют теперь аэропланы,—их он никогда не видел.

Мы с Тину начинаем сборы в путь.

— Вон виднеется Седло-гора,—говорит нам Азрет,—перед ней кош Рамазана Биджиева. У него и переночуйте. Он не будет стесняться принять вас, т. к. женщин у него в коше нет. Другие, конечно, примут вас, но будет большое стеснение. За Седло-горой идет подъем на перевал. Там останется верет пять ходьбы. В коше покажут вам тропинку. До свидания! Заходите. Остерегайтесь собак.

Распрощавшись с гостеприимным хозяином, двигаемся дальше

По Махару до перевала.

В коше у Рамазана. Как готовят айран. Рамазан очень любопытен. Как поют в Карачае. Сказка про богатыря Сосрука. Принял овцу и медведя.

Оказывается, мы засиделись у Азрета. Уже 14 часов. Здесь солнце рано прячется за горы. Бодро шагаем вперед. Вооружились палками от собак. Входим в лес. Дорога поворачивает налево. „Седло“ приближается. С гор много ручьев. Они длинной полосой каскадов белыми струями летят с вершин.

В 16^{1/2} часов подходим к кошу Рамазана. Лес кончился. Солнце спряталось за хребтом. Рамазан отгоняет собак, ведет в кош, предлагает переночевать. От его коша виден перевал. Кажется, вот он, близко. Но по опыту знаю, как трудно к нему подойти — будет много подъемов. Тину сейчас же принимается помогать хозяину: рубит дрова для костра, растирает сало для смазывания сосков при доении.

Водопад около Седло-горы.

Я выкупался в ручье и начал наблюдать за жизнью коша. В долине еще светло, правая сторона ее в полумраке. Верхушки ярко алеют. С горы спускается стадо барашек. Их гонят

младший сын Рамазана, мальчик 11-ти лет. А с другой стороны виднется стадо коров и ягнят. С ними другой мальчик, постарше. Ягнята пасутся отдельно от маток, чтобы не сосали их. Блеянием и ревом наполнилось ущелье.

У Рамазана нет жены, она умерла. Сам он болен: „нутро болит“. Всю работу несут дети. В этот вечер им легче было справиться со скотом: Тину хорошо помогал им.

Пока старший сын загонял ягнят в загородку и, поручив мне стеречь их, бросился помогать отцу доить овец, младший не пускал коров на эту сторону реки, чтобы телята не высосали молока. Я насчитал, что в стаде Рамазана, примерно, 120 овец, 6 коров, 6 телят, 2 осла, 2 лошади. Доеение овец продолжалось час с лишним. Меня удивило, что молока было надоеено лишь 1½ ведра. Оказалось, что часть молока оставляется в вымени для ягнят. Коровы выдаивались уже тщательнее. От 6-ти коров удой был—неполное ведро. На мой вопрос, почему так мал удой, Тину перевел ответ Рамазана, сказавшего, что от одной травы молока много не будет, да и травы кругом немного, т. к. дожди летом были редки.

Ягнят и телят подпустили к маткам. Один из мальчиков стал на полянке рассыпать кучками соль: ее с удовольствием слизывали овцы. Младший мальчик и Тину развели очаг. Рамазан возился с тазами для молока.

Я завернулся в бурку и огляделся. Чуть-чуть светлела верхушка Седло-горы. Низина тонула в полумраке. Появились звезды. Снизу доносился шум Махара. Полная тишина кругом, лишь фыркают овцы да иногда заворчит собака.

А в коше кипит работа. Овечье молоко в котле подогревается на костре до „пара“ (стерилизуется), потом в него бросается закваска (посоленное молоко из кишек молочного барашка). Все это сливается в таз и закрывается полостью. Это готовят брынзу. С коровьего молока снимают сливки, молоко также подогревают, из него получают сметану, масло. В коше стоят три деревянных высоких кадки: в одной—сыр, в другой—айран (кислое молоко), в третьей—сметана. Когда кадки наполнятся, их содержимое перекладывают в бурдюки и везут в аул. Это запасы на зиму.

Старший мальчик месит кукурузную муку на воде и готовит круглые лепешки. Их он тут же печет в золе, поворачивая палочкой. Он очень осторожен, этот мальчик. Начисто вытирает лоток, ни одна щепотка муки не должна пропасть. Ведь за мукой надо ехать в Пашинку (Баталпашинск). Взять с собой барана или сыру, а то срубить и обтесать два ствола сосны—продать это на базаре, и там же купить муки. Ехать на базар трое суток и возвращаться столько же—вот вся неделя и пройдет.

— Почему вы в лепешки не подбавляете соли и сдобы какой-нибудь, ну масла, молока?—наивно спрашиваю я.

— Так все делают,—отвечает хозяин.—А масло.. оно дорого, его мало... ведь, сейчас не свадьба,—прибавляет он, усмехнувшись.

Водопад около Седло горы.

Наконец, все сделано. Лепешки готовы. Сыр, сметана разложены в чашки. Завариваю чай в кувшинчике, достаю сахар. Опять я на месте тамады¹, мне первый кусок, меня ждут. Рядом со мной Тину: он тоже гость, за ним хозяин, на конце, около входа в кош—мальчики. Сидим на камнях.

— А правда ли, что в городах у вас нехватает хлеба?—начинает разговор Рамазан.

Я объясняю ему значение карточной системы выдачи хлеба, необходимость заготовки хлеба для государства, рассказываю про совхоз „Гигант“.

— Так что если бы в Пашинке, к примеру, такой совхоз устроить,—перебивает он,—то он бы наготовил хлеба на все коши?

— Да, конечно.

И целый ряд вопросов: и об индустриализации и о комбайнах, пришлось говорить даже о Чикагских бойнях.

¹ Почетное место старших; „тамада“—председатель пира или гость.

— А что твой мальчик учится?—спрашиваю я. При переводе этого вопроса старший из мальчуганов замер покраснел, поперхнулся. Во всем движении его проявилось стремление в школу.

— Нет, куда тут... Жены нет. Работать некому. Сам я больной. С кем же мне гонять барашек?

Мальчик увял и печально поник.

Ночь в коше вышла мучительная. „Черная кавалерия“ осыпала прямо отрядами, и заснуть было очень трудно... Уйти из коша и на воздухе завернуться в бурку казалось неудобным, и не хотелось тревожить крепкий сон хозяев. Кое как дотянул до рассвета. В 4 часа начался рассвет. Освежился в реке и начал собираться на перевал.

Но когда взошло солнышко и обогрело долину, так захотелось спать, что я не в силах был остановиться себя. Завернувшись в бурку, прикорнул я на травке перед кошем... и проснулся лишь в 11 часов. Никого кругом не было. Даже и Тину куда-то скрылся. Полез, вероятно, на гору собирать землянику.

Внизу, у реки, стояла целая группа людей. Я подошел к ним. Это была партия землеустроителей, которые возвращались с Махарского перевала, где производились топографические съемки. Их было четверо: землемер, его помощник и два молодых карачаевца-проводника. Четыре лошади и два ослика паслись неподалеку. На полянке сложены были инструменты и палатка. Мы познакомились. Землемер предложил мне чаю.

— Вот народ,—говорил он, дружелюбно похлопывая по плечу карачаевца,—и чего сидят в горах, почему не переселяются в долину?

— А как же горы... Да без них ведь скучно будет,—отвечал тот, посмеиваясь.

— Вот чудак, да сюда бы как на курорт приезжал. А то, ведь, на айране всю жизнь сидишь.

— А возможно ли это при их скотоводческом образе жизни?—спросил я.

— А почему же невозможно... Если сейчас они гоняют скот за 100—150 км. от Учкулана, то переселись они на плоскость, так им ближе бы было к летним пастбищам. А там постепенно принялись бы за хлебопашество. Нет, это привычка: как я расстанусь с горами, где мои предки столетиями жили? Вот подрастет новое поколение, те скорее поймут необходимость распрощаться с горами. Хороши они, горы-то, вот посмотреть на них. А жить среди них весь год—это только карачаевцу под силу.

— Нет, хорошо в горах,—задумчиво пробормотал проводник и затянул какую-то песню. Замолчали и прислушивались. Второй проводник начал подпевать. Стал подпевать и землемер. Скоро я уловил несложный мотив и строение карачаевского хора.

Запевало ведет мотив, очень оригинальный и страстный, но не сложный. Остальные, как бы аккомпанируя, гудят без слов. Аккомпанимент из трех переходов. Простой мотив певца усложняется вариациями, с подголосками, различными руладами.

Музыка чрезвычайно гармонировала с окружающим. Тут и дикие горы, тут и шум Махара и страстная тоска певца.

— Что он поет? Как перевести его песню?

Певец сам перевел мне. Это своего рода любовные частушки.

Ты, милая, живешь на берегу реки,
Ты вышла замуж за другого...
Река, как змея, вьется среди гор.
Пусть злая змея свернется у тебя на груди.

Помнишь ты танцевала на свадьбе?
После этого я потерял лучшего барана:
Все думал о тебе.

Согласись выйти за меня замуж.
У моего отца большая семья,
И тебе будет мало работы и т. д.

Это все те же перепевы чувства — одни и те же и в поэзии культурного поэта, и у горского пастуха в широкополой карачайской шляпе. В куплетах есть ритм и рифма. По мотиву песни сходны с осетинскими, а по манере петь напоминают песни тирольских пастухов.

Разговорились о народных песнях и сказаниях. У певца-проводника был дед, который много знал старинных песен. О богатырях-великанах, „нартах“, о джигитах и абреках. Одну песню проводник помнит. Ее поют старики, но спеть он ее отказался. Вероятно, день, солнце и природная скромность помешали этому. Ночная обстановка была бы более подходяща. Все же по моей просьбе он передал содержание этой песни¹.

„Жил когда-то богатырь: звали его великан-Пятиголовый. Ел он так много, что в один обед всех карачаевцев объедал. Услыхал про него знаменитый нарт Сосрука, услышал, что он в один обед всех карачаевцев объедает и пошел к Пятиголовому. Увидел великан Сосрука и сказал ему:

— Не знаешь ли ты человека именем Сосрука. Не видел ли где его?

— Я видел Сосрука и знаю его нартские забавы: не раз бывал очевидцем.

— Расскажи же мне, каковы его нартские забавы?

¹ Песня заимствована из статьи Дьячкова-Тарасова. „Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“. Вып. XXV.

— Вот какой силач Сосрука, уж если ты хочешь знать о нем: бросает он в огонь железную палку, раскалится палка добела, тогда проглотит ее Сосрука и выпустит из себя, и ничего с ним не делается.

— Таковы-то забавы у Сосрука. Это пустяки. Разве это диковина? Я тоже сделаю,—сказал Пятиголовый.

Раскалил добела он железную палку, проглотил ее, выпустил из себя и остался жив.

— Я знаю еще одну забаву Сосрука,—сказал Сосрук.

— Какая же это забава?—спросил великан.

— На горе, на высокой скале, живет у нас такой же богатырь, как ты; бросает он оттуда огромные камни. Сосрука ждет внизу под горою и головой отбрасывает эти камни обратно на вершину.

— Покажи же, какой величины те камни?

Сосрука показал великану. Собрал великан на вершине груды огромных камней, сошел в долину, уставился пятью головами и ждет. Полетели вниз камни, быстро бросал их один за другим Сосрука, но также быстро великан отбрасывал их своими пятью головами и возвращал их на вершину горы.

И с помощью этой хитрости не мог Сосрука умертвить великана.

— И за такие подвиги у вас прославили Сосрука? Для меня эти камни сущие пустяки: будто вши кусают.

— У Сосрука есть еще третья забава: среди самой холодной зимы Сосрука выходит на средину большого озера и там ждет, пока это большое озеро не замерзнет; тогда он поднимает весь лед с озера и так идет.

— Хорошо,—сказал великан, и я то же сделаю.

Полез он в озеро. Прошло пять дней, и замерзло озеро.

Пришел тогда к нему Сосрука и сказал: „Теперь поднимай“.

Стал великан подниматься,—лед стал трескаться.

Сосрука закричал:—„Стой! Стой! Я забыл еще одну забаву“.

— Все припомни, все я исполню,—сказал великан.

— Сосрука так делал: подымал лед, как ты сейчас, а под него соломы несколько стогов накладывал и ждал еще пять дней, пока все не замерзнет.

Притащил великан соломы, подложил под лед и стал ждать.

Пришел на шестой день Сосрука.

— Теперь срок наступил: подымай.

Великан стал подыматься и не мог встать. И тянулся, и рвался, и качался, напрягал все силы и не мог встать.

Тогда Пятиголовый сказал.—„Ты обманул меня: ты не простой человек, а ты сам и есть настоящий Сосрука. Чего же ты хочешь от меня? Убить? Хитрец! Ты доканал меня, и теперь я убежден, что ты настоящий Сосрука, что ты меня не помилуешь и не простишь, и не убивши не выпустишь.

Обнажил Сосрука шашку и отрубил у великана четыре не говорящие головы, а пятаю говорящую не мог отрубить.

— Не трудись понапрасну, не бей и не мучь ни себя, ни меня: не отрубить моей головы твоей шашкой, а вот в замке моем ты найдешь сундук, огромный и черный; в нем лежит шашка моя богатырская. Достань ее, принеси сюда, и тогда отрубишь мою голову и прекратишь мои мучения. А когда отрубишь мне голову, рассеки мой хребет, достань оттуда мозг и подпояшься им. Вот тебе мой совет, вот тебе мое завещание.

Пошел Сосрука к замку великана, вошел в башню, увидел сундук огромный, черный; подошел к нему, но не стал открывать его голыми руками. Взял он длинную железную палку, приподнял этой палкой крышку тяжелую, и вылетела оттуда, как пуля, шашка великана, свистнула в воздухе и пополам рассекла железный столб, стоявший посреди палаты. Здесь она и упала. Подошел к ней Сосрука, хотел поднять ее и не смог: так была она велика и тяжела. Поволок он ее за собой.

Великан думал, что шашка рассекла Сосрука надвое. Опечалился он, когда увидел, что Сосрука к нему идет невредимый и саблю волочит за собой. Подошел Сосрука к великану, поднял саблю с большим трудом обеими руками и отрубил ему последнюю голову. Рассек ему хребет, вынул мозг, отыскал огромную сосну в два обхвата толщиной и обмотал ствол: дерево тотчас же упало, перерезанное на столько кусков, сколько раз он его обмотал. Так Сосрука освободил карачаевский народ от чудовища Пятиголового“.

Все заслушались рассказа. Создалось какое-то особое настроение. Хотелось сидеть и любоваться горами и небом. А оно было совершенно синее. Мы были на высоте 2.000 метров, и прозрачный разреженный воздух создавал такую густую синеву неба.

— Знаете что,—заявил мне землемер,—нам все равно лишь к вечеру попадать в Учкулан. А вам теперь уж поздно итти на перевал. Давайте купим барашка и пообедаем. Я давно не ел шашлыка, все питался консервами и колбасой. А здесь, на свежем воздухе нам Али (так звали певца-проводника) такой шашлык делает, что пальчики оближешь.

— Хорошо,—согласился я,—но где же мы достанем баранины?

— Ого, сразу видно, что вы в горах не часто бываете... Али, сходи, купи нам молодого барашка.

Али внимательно посмотрел на горы. Я также стал смотреть в том же направлении, но кроме кустов на вершинах я ничего не видел.

— Вон стадо,—показал Али вверх.

Я пристально посмотрел туда.

— Возьмите бинокль, так все равно не увидите,—посоветовал мне землемер. В бинокль действительно я увидел высоко над ущельем стадо овец и пастуха.

Кош Рамазана под Седло-горой.

Али пронзительно засвистал. С горы раздался ответный свист. Али быстро полез в гору. Через полчаса он возвратился с маленьким ягненком на плечах. Хозяин согласился отдать нам барашка за 4 рубля, с условием, чтобы шкура осталась ему. Когда изжарили шашлык, подошел с горы и Рамазан, скоро появился его сын и Тину с ними.

Вот скоро обмеряем им землю,—разглагольствовал землемер,—ведь, у них все по старине. Захватили деды их землю, поставили коши, так из рода в род и идет: кош и земли вокруг него. Не даром есть у них обычай: если найдешь хорошее место, стоит положить бурку, и никто здесь не остановится,—место, значит, занято. Надо все привести в порядок; вот размерим землю, и вопрос с пастбищами разрешится.

— Вот вы знаете жизнь карачаевца. Скажите, сколько скота бывает в семье,— обратился я с вопросом к землемеру.

— Есть богатые карачаевцы, у которых по 600—700 штук мелкого скота и несколько десятков крупного. А в большинстве случаев бывает штук 150—200. Всего насчитывается в Карачае немного больше 700.000 голов скота, из них лошадей 140.000, коров 170.000, овец 410.000. Одной баранины, кроме потребляемой на месте, идет из Карачая 1.700 тонн в год, шерсти 270 тонн. А вот теперь наше правительство выписывает сюда мерин-осов. Полагают, что они здесь хорошо акклиматизируются.

Вся беда все-таки в некультурности. Ведь скот круглый год под открытым небом. Редкие коши имеют крытые срубы для скота, а то просто каменный невысокий заборчик, куда на ночь загоняют овец. Это и летом и зимой. Много скота болеет и погибает.

А почему так мало молока дает здесь скот? Вот Рамазан вчера от всего стада лишь два ведра надоил.

Да вы посмотрите на их коров. Это ведь заморыши какие-то. Да и живут они в трудных условиях: вечное скитание, мало корма, и не всегда его хватает. Учтите еще, что они же кормят и телят. Вот и получается, что в самую молочную пору удой редко бывает больше четверти ведра. Обычная же порция—несколько стаканов. Отдельный хозяин карачаевец пасет все свое стадо в одном месте—и крупный, и мелкий скот. Овцы и козы хорошо взбираются на кручи, и там на скалах, в трещинах и расселинах находят для себя сочную и питательную траву. А коровам за овцами не угнаться. Высоко на скалы они не забираются. Нужно объединяться отдельным карачаевцам и сообща пастись скот. Тогда удобнее распределить пастбища для коров и овец. И молочные продукты запастись станет и легче и выгоднее¹.

Разговоры затянулись до 4 часов.

Не желая испытать еще раз мучения бессонной ночи, я стал уговаривать Тину переночевать на открытом воздухе. В полукилометре от коша, вниз по Махару, в боковом ущелье был лес. Мы решили спуститься в него, развести костер в лесу и переночевать около него под бурками.

¹ Разговор этот был в июле 1929 года. За год уже многое изменилось. Проведено распределение зимних пастбищ. Беднота и середняки получили наиболее удобные и близкие к аулам коши. Идет постепенная коллективизация карачаевских хозяйств. Агрономами ведется распространение знаний и навыков по кормлению и уходу за скотом. Два сыроваренных завода на Бичесе не расширены и дооборудованы. В 1931 году в Микоян Шахаре начнется постройка большого консервного завода. В Невинномысской строится громадная шерстомойка и суконно-ткацкая фабрика. О размерах этих построек можно судить по тому, что на два последних предприятия ассигновано 20 миллионов рублей.

Распрощались с компанией, добрались до леса, выбрали хорошую полянку на берегу ручейка и расположились „лагерем“.

Ночь быстро наступила. Мы с Тину собрали громадный ворох сушняка и развели большой костер. Шум Махара глухо доносился снизу. В красноватом отблеске костра проступали ближние сосны. Высоко в небе глянули звезды. От костра—тепло. Клонило в сон. Наметили свой путь. Завтра чуть свет двинемся на перевал и, спустившись с него, ночуем в Южной палатке Советского туриста, которая разбита в конце спуска с Клухорского перевала. На следующий день перевалим через Клухор и остановимся у Северной палатки или, если успеем, доберемся до поворота на Али-бек и там заночуем.

Пока сговорились, перезарядили кассеты, закусили перед сном,—было уже 8 часов. Стали укладываться. Бурка—вещь в горах незаменимая. Под дождем она не промокает: вода скатывается с шерсти. Во время сильного зноя под нею прохладно. В летние ночи в горах, на высоте 2.000 метров, вблизи ледников, температура снижается до 10 градусов и меньше. Завернешься в бурку, надвинешь капюшон,—тепло и мягко.

— А что, Тину, есть здесь звери?

— Конечно, есть. Волки есть. Наверху есть туры, дикие козы, медведи.

— А не тронут они нас?

— Ну, летом они не трогают. Вот зимой тут опасно. А что, боишься?..

— Да приятного мало, если волк или медведь заявится в гости...

— Нет, не бойся, спи.

— Тину скоро захрапел. Мысль о зверях беспокойно зашевелилась в голове. Знаю, что кавказский медведь здесь, на северных склонах, небольшой, мирный—а все же... Кош откуда довольно далеко, собаки около коша. Вдрых запах съестного (а у меня в сумке хлеб, сыр, колбаса) привлечет зверей... Я поднялся и подбросил в костер еще несколько охапок дров, потом закутался в бурку и начал дремать...

Проснулся словно от неожиданного толчка. Переход от глубокого сна к бодрствованию был моментальный. Дико озираюсь. При неверном свете потухающего костра я в секунду осмотрел все: и спящего рядом Тину, и темные ветви ближайших кустов, и под одним из них медведя. Я видел ясно его серую тушу, наполовину скрытую кустами. Показалось, что он пристально смотрит на меня, готовясь к нападению. Не помня себя, бросился я к Тину и стал толкать его.

— Что случилось?

— Медведь...

— Где медведь?

— Да вон, вон, в кустах.

Тину вскочил. С палками в руках двинулись мы в кусты.

В кустах спокойно улеглась большая овца и меланхолично жевала жвачку. Тину посмотрел секунду на меня, потом на овцу и расхохотался. Я смущенно отвернулся.

Когда через час мы проходили мимо коща Рамазана, направляясь к перевалу, его сын спросил у нас, не видели ли мы овцы, отбившейся ночью от стада.

Через два перевала.

Кель-кате. Нападение кошевых собак. На вершинах Махарского перевала. Красоты Клухорского перевала. Живучие суеверия.

Через час мы были у Кель-кате (около озера). Это маленькая глубокая котловина, на дне которой р-ка образует голубое озеро. В глубине котловины, под нависшим камнем,—кош.

Подъем на Махарский перевал.

Сверху, от перевала река мчится громадным водопадом. Гиганты-камни, навороченные потоком, вылизаны белой пеной. Рев потока так велик, что трудно говорить. Становится страшно. Так и кажется, что водопад разнесет камни и затопит Кель-кате.

В рассказах карачаевцев Кель-кате описывается, как место еще недавних стычек со сванами. Сваны прятались здесь меж скалами и отбивали стада у пастухов.

Вот здесь, показывает пастух на глубокую яму, в которую свергается последний каскад водопада, лежит начальник сванского отряда, убитый карачаевцами и брошенный сюда. Сваны потом приходили выловить тело начальника, но Махар не отдал его, так он и лежит там на дне, под камнями.

Вид с Клухорского перевала (гора Чотча).

От Кель-кате крутая тропинка идет среди хаоса громадных камней. Она то проходит под камнями, нагромодившимися друг на друга, то вьется по самым гребням груды камней. Они свалились с боковых вершин в самом узком месте ущелья и засыпали ложе реки. За осыпью—снова долина, предпоследняя перед перевалом. На этой долине пришлось выдержать жесточайшую борьбу с кошевыми собаками. Два громадных волкодава минут десять осаждали нас.

Прислонившись друг к другу спиной, мы с Тину отбивались от них палками и отстреливались камнями, пока пастухи не прибежали к нам на помощь и не отогнали собак. Махарский перевал мало посещается, потому собаки не привыкли к чужим людям и особенно злы здесь.

От пастухов узнали, что до перевала отсюда около 3 км. Надо подняться на черный гребень. За ним будет последняя долина, в которой есть еще кош. В этой долине два небольших горных озера. Тропинка идет между озерами вправо, вверх по снежному полю, и приводит на самую вершушку перевала.

В одиннадцать часов добрались до верхней точки перевала. Махарский перевал—2.870 метров. Он идет по впадине между горой Махар (или Нахар)¹ с левой стороны и отрогами горы Клухор—с правой стороны. Верхняя часть перевала покрыта снегом, едва заметная тропинка указывает путь.

Хотя перевал Махарский выше Клухорского на 62 м., но он не так красив, как последний. Боковые горы заслоняют горизонт, и только на юг, куда хребет опускается крутым обрывом, открывается широкая картина долины реки Клыч, лежащей глубоко внизу. Переход через перевал и спуск в долину Клыча мы совершили благополучно.

Спуск с Клухорского перевала.

Переночевав в южной палатке Совтуриста, под Клухором мы на следующий день взобрались на Клухорский перевал. На Клухорском перевале я был уже раньше. И все-таки картина окружающих гор поразила и теперь. Голубое озеро на самом

¹ Название горы и перевала на картах обозначено Нахаром. Так называют перевал горцы, живущие на юге Главного хребта. Учкуланцы же называют и гору и перевал Махарским.

перевале, со спускающимся в него ледником, прекрасно. Остроконечные пики горы Чотчи (3.500 м.) сверкали на солнце ледниками и снежными полями.

Направо, над снежными верхушками ближних гор, седая шапка Эльбруса синела в дрожащем воздухе.

Спуск с Клухора головокружителен. На 12 километров дорога вьется зигзагом вниз, и высокие снежные шапки поднимаются гигантами над вами, закрывая южные склоны хребта. Под самым перевалом мы еще раз останавливались в высоко лежащем коше. Тут уже совсем неуютно. Кош сложен из камней, крыша—несколько досок, прижатых камнями.

Остановка в высокогорном коше под Клухорским перевалом.

Вокруг коша на палках надеты конские черепа. Как оказалось, это считается лучшим средством от „дурного глаза“ и от злых духов. Языческие остатки суеверий сохранились во многих обычаях карачаевцев. У них почитается бог молнии,—„Чоппа“, которому приносят в жертву серого козленка, сопровождая жертвоприношение песнями. Охотники-карачаевцы почитают божество „Авсаты“, которому приносят перед охотой жертву.

Остатки языческих религиозных верований сохранились и в некоторых воззрениях карачаевцев на природу. Земля, по этим сказкам, как блин, лежит на рогах какого-то быка. Злая муха вертится перед носом быка и старается укусить его в нос. Бык отмахивается от мухи,—земля дрожит. Происходит землетрясение. Лунное затмение объясняется тем, что великан Джелим-ауз набрасывается на луну, чтобы поглотить ее. За луной та же участь ожидает и землю. В старину при затмении карачаевцы начинали стрелять из ружей, бить в тазы, скороводы, трещать в трещетки, чтобы напугать великана и прогнать его.

Теберда—курорт.

В горных лесах. От каких болезней лечатся в Теберде. Религиозные обряды и их разорительность.

Прекрасное ущелье Гоначхира привело нас к дороге на Али-Бекский ледник.

Эта местность покрыта необыкновенно густыми пихтовыми и сосновыми лесами. Деревья в 4-5 метров обхватом, высокие и ровные, как стрелы, представляют очень ценный строительный материал. Только отсутствие хороших дорог для подвоза леса мешает массовой эксплуатации леса.

Пихтовый лес в Алибекской долине.

Как и в Большом Карачае, здесь за последние годы шла хищническая порубка. Частые пожары от небрежности уничтожали большие лесные пространства.

Государственные земельные органы берут теперь под строгий контроль и эту отрасль хозяйства. Начинается правильная эксплуатация лесных богатств. В долине реки Али-Бек могучие сосны и пихты вырубаются. Бревна сплавляются по реке в Теберду, где поступают на лесопильный завод. Часть леса идет на местные нужды (из него пилят доски, и колют дранку), а лучшие сорта досок отправляются за границу, как экспортный товар.

Лесная промышленность Карачая имеет свое будущее. Быстрое течение Теберды дает возможность в любом месте устроить лесопилку, и турбина силою воды приведет ее в движение. (Теберда-курорт, например, и соседний аул уже освещаются от электростанции лесопильного завода). Для эксплуатации лесных богатств нужны дороги, и пятилеткой предусмотрено значительное дорожное строительство в Карачае. Ведутся работы по ремонту Военно-Сухумской дороги и дороги в Учкулан. Предполагается установить автомобильное сообщение по рейсу Микоян-Шахар—Учкулан.

Сосны-великаны (до 30 м.).

Теберда—выдающаяся горно-климатическая станция для туберкулезных и слабогрудых. Курорт расположен в долине, 6 км. длиною и 1—3 км. шириною, между двумя высокими хребтами, кото-

рые поднимаются над плоскостью долины на 1 км. Холодная и бурная Теберда течет по дну долины. Вся долина и склоны гор до самых верхушек покрыты смешанным лесом. Вдали виднеются ледники.

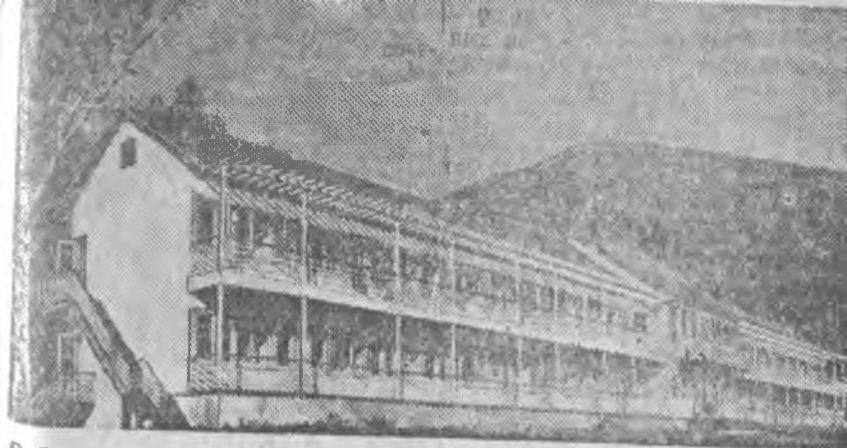
Положение Теберды—на высоте 1.280 м., расположение Тебердинской долины—с юга на север, почему боковые хребты защищают ее от восточных ветров, обилие сосновых и пихтовых лесов и альпийских лугов—создают чрезвычайно благоприятные климатические условия. Климат Теберды—лучше знаменитого Давоса в Швейцарии.

Ровная прохладная температура (средняя суточная температура июня 14° , а июля 16° , в наиболее жаркие дни не бывает больше 22° в тени), горячее сияющее солнце—145 солнечных дней в году (в Давосе 99), небольшое количество осадков (дожди бывают, главным образом, весной, в мае)—все это привлекает и больных, и отдыхающих. Весь июнь и даже начало июля в Теберде—весна: пышная зелень лугов, свежесть листвы на деревьях, бесчисленное множество цветов на полянах.

Долина р. Теберды. (В лесу курорт Теберда).

В Теберде лечатся от целого ряда болезней: предрасположения к туберкулезу (истощение и малокровие), туберкулез бронхиальных желез, остатки туберкулезных плевритов, эмфизе-

В Теберде (Автономная Карачаевская область, Сев. Кавказ) построено новое здание санатория для научных работников.

ма легких, бронхиты и базедова болезнь (зоб). Но особенно благоприятен климат Теберды для всех переутомленных и перенесших серьезные болезни. Вот почему курорт переполнен в летнее время больными и отдыхающими. Курортное управление Карачаевской автономной области имеет здесь целый ряд домов отдыха и гостиниц для приезжающих.

Одна из дач Курупра КАО в Теберде.

Из всех домов отдыха и санаторий центрального значения выделяются по мощности и по благоустроенности дом отдыха ЦКУБУ (Центрального комитета улучшения быта ученых) и санаторий „Большевик“.

Странным и нелепым кажется расположенный недалеко от санатория „Большевика“ амбар, с вышкой на дереве, который заменяет в Теберде мечеть. Гнусавый голос муллы все еще раздается с вышины, призывая правоверных на молитву.

Карачаевец дорого платит за „счастье“ иметь мечеть и муллу. Похоронить, например, покойника—для семьи карачаевца прямо разорительно. Муллы говорят, что на „том свете“ покойник будет голодать и не получит места в раю, если на похоронах не будет совершенно выкупа грехов покойника. В дом умершего собираются все, кто только услышал о его смерти. Муллы прежде всего. Всем собравшимся и проводившим покойника на кладбище родственники покойника раздают деньги, в зависимости от состояния; этот выкуп иногда доходит до 100 и больше рублей.

После похорон устраивается поминальный обед, и чем обильнее будут эти поминки, тем лучше на том свете умершему. Все одежды покойного идут муллам. Если одежда недостаточно нова, то мулла требует новой одежды или деньги на нее. Уверения мoulлы в том, что это делается для блага умершего на том свете, заставляют карачаевца-мусульманина платить и за одежды. Существует обычай откладывать после смерти родственника деньги на путешествие в Мекку, ко гробу Магомета. Если при жизни он там не был, то после его смерти деньги предназначаются кому-нибудь другому, который посетит Мекку за умершего. И этими деньгами также пользуются мoulлы, так как деньги передаются им.

На 52-й день после смерти, когда, по словам мoulл, кости покойника отделяются от тела,— снова расход. Чтобы покойнику не было больно, надо принести жертву. И чем лучше жертва, тем легче будет „эта операция“. Поэтому каждый бедняк старается выбрать получше барана для жертвоприношения, и опять эта жертва идет в пользу мoulлы.

Не менее разорительны для карачаевца и религиозные праздники, сопровождаемые, как правило, большими материальными затратами. День „Курбан-Байрама“ особенно разорителен. Каждый правоверный, чтобы обеспечить себе место в раю, должен в этот день зарезать на каждого члена своей семьи по одному барану, или на семью в 7 душ—одну корову. Правда, не все точно соблюдают эту пропорцию, но все же по Карачаю в этот день уничтожаются десятки тысяч мелкого скота во имя фантастического рая Магомета. После поста в месяц „рамазан“ мoulла за очистительную молитву получает от правоверного „фетир“, т. е. обязательство деньгами или продуктами (20—25 коп.).

Борьба с темнотою и на этом фронте ведется усиленным темпом. Партийные и комсомольские организации и советские работники разоблачают эксплуататорскую политику мoulл в деле религиозного одурманивания некультурного горца. Часть населения еще справляет религиозные праздники и обряды и тратит громадные средства на мoulл и религию.

Но под напором бедняцко-середняцких масс Карачая слабеют, отмирают старые адаты и обычаи, и падает значение религии.

Защитники и союзники кулака—мoulлы—теряют свой авторитет и влияние.

В обстановке развертывания соцстроительства и обострения и углубления классовой борьбы растут ряды партийцев—карачаевцев из батрацко-бедняцких групп.

Если в 1926 году числилось в КАО немного больше ста партийцев, то на 1 марта 1930 года в Карачае работало 24 партийных ячейки и 4 кандидатских группы с общей численностью

(членов и кандидатов) в 456 человек. В этом количестве было 67 женщин.

Комсомольцев в Карачае—2.000 с лишним человек, пионеров такое же число.

Создание своих специалистов, выдвижение организаторов из бедняцких масс—это неотложная задача, которую надо спешно разрешить для Карачая.

Постановлением пленума нацсовещания предложено: использовать значительные кадры рабочих-националов, каковые имеются в Ростове, Таганроге и др. городах края, для работы в аулах¹.

Советская власть и в законодательном порядке стремится переделать быт карачаевца. Статья IX Уголовного кодекса назначает кары за уплату выкупа невесты, за похищение женщин против ее воли, за принуждение и вступление в брак девушки, не достигшей половой зрелости. И если это еще делается в горных аулах, то тайно, как пережитки старины.

¹ П. Таболов „Узловые вопросы сплошной коллективизации горцев“ „Революция и горец“ № 1. 1930.

Малый Карачай.

Производство бурок. Кустарные промыслы. Верхне-Тебердинский аул. Сентинская больница. Хумаринский уголь. Прощание с Тину. Конец путешествия.

Даже по внешнему виду поселения Малый Карачай отличается от старых аулов на верховьях Кубани. В поселениях Малого Карачая станичные дома, с деревянными (из драни) или железными крышами.

Тип постройки карачаевца в Теберде и в аулах на плоскости.

Нет традиционного очага. Население занимается и земледелием: сажают кукурузу, сеют ячмень и пшеницу. Население широко занято кустарными промыслами.

Наиболее распространенный кустарный промысел, это бурочное производство. Бурка, как уже говорилось, необходимая вещь

в горах. И если в аулах Старого Карачая бурки делают для собственного потребления, то в Малом Карачае их изготавливают для продажи.

Шерсть для бурки моется в горячей воде с мылом, после просушки сортируется: отделяются „косицы“—грубая шерсть—от мягкой подшерстка. На разостланную циновку осторожно накладывают слой подшерстка, обрызгивают его водой и сверху раскладывают слой „косицы“.

Кустарная кузнечная мастерская.

Смочив этот двойной слой водой, шерсть сворачивают вместе с циновкой в трубку и долго укатывают. Пять-шесть женщин равномерно, под песню, катают трубку вперед и назад, пока не получится плотный шерстяной войлок. Его моют в щелочной воде и после просушки усердно мнут ногами. Верхнюю лохматую часть отчесывают особой щеткой, а нижнюю пуховую—подпаливают огнем, чтобы отдельно торчащие волокна шерсти сгорели.

Из войлока затем выкраивают треугольник с кривыми сторонами (обрезки идут на обувь и другие хозяйственные принадлежности). Бурка в верхней части разрезается и сшивается так, что получается что-то в роде плотного безрукавного плаща. Края подшиваются иногда позументом. Цена приготовленной бурки, в зависимости от качества материала и работы, колеблется от 20 до 50 рублей.

Такие же процессы обработки применяются и в производстве кавказских шляп. Небольшие куски шерстяного войлока напяливаются на деревянные болванки, им придается форма шляпы, края подшиваются, дно шляпы прошивается по радиусам. Каракулевые и барашковые папахи и шапки тоже производятся в Карачае в значительном количестве. Валовая стоимость вырабатываемых в Карачае шерстяных изделий достигает в год до 120 000 рублей, не считая производства для собственного потребления.

Из других видов кустарных промыслов необходимо отметить кузнечный промысел. Выделкой кинжалов, ножей, мелких частей упряжи и предметов домашнего обихода занимаются в Карачае триста с лишним человек, производя продукции на 200.000 руб.

Гончарный, деревообделочный и другие менее распространенные промыслы—все, в общем, занимают в Карачае до 1.500 человек населения, выпуская на рынок продукции на 700.000 руб.

Кустари-карачаевцы работают обычно в одиночку или своими семьями, почти не прибегая к наемному труду. К 1927 году во всей кустарной промышленности наемных рабочих считалось 159 человек. Работа ведется чрезвычайно примитивно. Это видно из тех орудий производства, которыми пользуются кустари. Обычный ивовый плетень для бурочного производства, примитивный горн и набор молотков для кузнеца, первобытный ткацкий станок показательны в этом отношении.

В аулах, расположенных на плоскости и в начале гор—Джегутинский, Хумаринский, Георгиево-Осетинский,—жители заняты земледелием. Еще недавно и в этой области наблюдались примитивные способы работы. Первобытная соха и заменяющий борону пучок ивовых прутьев, закрепленных между двумя палками, и до сих пор еще держатся в индивидуальных хозяйствах. Советская власть, заботясь о поднятии сельского хозяйства в нацобластях, продвигает в Карачай и плуг, и железные бороны, и даже тракторы.

КАО—скотоводческая страна, земледелием занимаются лишь несколько плоскостных аулов, поэтому товарная продукция излишков сельского хозяйства на 99,7% состоит из продуктов животноводства и только 0,3% из продуктов полеводства.

Однако и здесь ряд мероприятий по мелиорации и урегулированию течения рек предполагает увеличение площади, засеваемой злаками с 2.100 га до 9.000 га.

Мы прожили с Тину в Теберде несколько дней. Прекрасная база „Советского туриста“ в школе II ступени располагала к отдыху после двух перевалов. Ежедневно десятки групп экскурсантов прибывали в базу и уходили из нее. Молодежь шла пешком на Клухорский перевал, пожилые туристы осматривали окрестности Теберды. Были и иностранцы. Кавказ пользуется

всемирной известностью, и на курорте предполагается выстроить гостиницу для туристов-иностранцев, на что отпущены специальные ассигнования.

Общий вид долины Теберды (по направлению к Микоян-Шахару).

Окрестности Теберды и вся долина этой реки очень живописны. В каждом боковом ущельи—интересное место для прогулки. В ущельи реки Джегамат, у подножия горы Эпчик, ряд выходов железистого источника, с большим выделением углекислоты (на высоте 1.700 м.). Это тоже будущий высокогорный курорт. Пока источник мало используется, так как доставка нарзана в Теберду не налажена, самый же источник посещается только туристами.

Дорога к источнику (колесная) идет среди орошаемых ручьями полянок с роскошной растительностью. Масса цветов. По всей долине Теберды есть возможность широко развить пчеловодство. Попытки устройства небольших пасек есть и сейчас, но они незначительны, тогда как природа дает богатый простор и возможности для этого промысла.

Кроме того, в долине Джегамата и в других боковых долинах, особенно на альпийских лугах Эпчика, горы Хотипар, Лысой горы много лекарственных растений. По подсчетам экспедиции профессора Вершковского¹, в Карачае найдено до 30

¹ См. статью О. Изейкиной в „Записках“ С.-К. горского научно-исследовательского института т. I.

видов дико растущих лекарственных трав. А правильно поставленное занятие культурой лекарственных растений может дать Карачаю большие выгоды. Пример Чечни интересен в этом отношении. В последние годы Чечня собирает до 8.000 пудов сухой валерианы, и чеченская валериана вытеснила валериану всех других районов СССР. Кстати, гектар валерианы дает 2.000 руб., тогда как гектар кукурузы приносит 80—100 руб. И не только валериана. Богатства Карачая в этом отношении неисчерпаемы.

Но эта отрасль в КАО неиспользована. Культурное травосеяние технических и лекарственных растений, и даже сбор дикорастущих полезных трав,—в зачаточном состоянии.

Через несколько дней мы покинули Теберду. Долина Теберды более культурна и менее дика по сравнению с Кубанью. Боковые хребты покрыты сплошным лесом. Долинки по берегам Теберды обработаны. Попадаются большие поселения уже городского типа.

Аул Верхне-Тебердинский.

Вот аул Верхне-Тебердинский. Большая школа, прекрасная изба-читальня. Жители гораздо развитее и осведомленнее. Большинство понимают русскую речь, интересуются жизнью Союза, читают газету. Недалеко от аула—Сенты. Это старинный монастырь, теперь приспособленный под больницу для горцев.

Раскопки в окрестностях Сент, особенно на горе, где виднеется церковь, с несомненностью доказывают, что здесь еще

до появления карачаевцев, а именно, еще в X, XI веках были большие населенные пункты. Церкви византийского стиля указывают на греческое влияние в этой местности. Без сомнения, Военно-Сухумская дорога издавна была основным путем для сношений между югом и севером Кавказа и для торговли между греками и могущественной тогда Грузией.

. Такие же старинные церкви, вместе с остатками крепостей, мы видели и в ауле Каменноостском (около Микоян-Шахара), и в Георгиево-Осетинском, на горе Чуана. Но все это старина, интересная лишь для изучения истории этого края.

Сенты (бывший монастырь. Теперь больница для горцев. Наверху—старинная церковь).

Мы пришли на третий день снова в Микоян-Шахар, место, откуда начали свой маршрут. После горных аулов Микоян-Шахар еще более поразителен. Когда вечером засветилось электричество, рабочие повалили в клуб (временный, в пятилетку будет построен здесь „Дом горца“),—мы почувствовали прелести культуры.

К 12 годовщине Октября в Микоян-Шахаре начало действовать постоянное кино. В рабочем клубе организован театр, где на карачаевском языке ставятся пьесы своих писателей. Национальная культура продвигается в массы. Все школы Карачая

ведут занятия на родном языке, карачаевский шрифт латинизирован. Издающаяся в Микоян-Шахаре двухнедельная газета „Таулу-Джарлыла“, тоже на латинизированном шрифте, она освещает политику партии и соввласти в деле экономического и культурного развития Карачая.

Развалины старинной крепости.

Когда по горному ущелью с грохотом пронесется паровоз, пересекая снежные вершины хребта, первобытная жизнь и прадедовский быт карачаевца развеются, как дым паровоза.

Последняя прогулка с Тину посвящена была осмотру карачаевского угля. Выходы его по всей долине Кубани. Крайние южные точки—за заводом Эльбрус. Северные—у Микоян-Шахара. По долине реки Мары, впадающей в Кубань, видны черные штольни. Целый ряд их. Карачаевцы—кузнецы разрабатывают кустарным способом уголь. Артелью в 50 человек они выбирают поверхностные слои угля для кузнечного промысла в Хумаринском районе. Выработка их в год равняется 3.200 тонн.

Уголь этот по качеству равен средним сортам Донбасса. Кроме хорошего качества, преимущества хумаринского угля заключаются в том, что все пласты его выходят на поверхность в склонах балок и гор, так что при выработке его не нужно рыть

шахты в глубину, а лишь идти в бок горы горизонтальными штольнями, что удешевляет стоимость добычи угля.

Председатель артели оказался осведомленным в вопросах угольных запасов Карачая.

— У вас нет никаких предохранительных приспособлений. Вы не боитесь обвала?—спросил его я.

— Мы далеко вглубь не проникаем,—ответил он,—наши разработки не углубляются больше чем на 30—50 метров, а кроме того, уголь залегает среди очень крепких горных пород, поэтому никаких креплений пока не требуется.

Скала Чуана, замыкающая вход в Тебердинскую долину.
У подножия ее—селение Георгиевско-Осетинское.

— Конечно, никакого рудничного газа в штольнях нет?

— Нет. На нашей выработке его не может быть. Штольни очень неглубокие. Да и по исследованиям комиссии, рудничного газа не оказалось в нашем районе.

— Во сколько же обходится вам уголь?

— Сейчас нам, на месте, 16 килограммов обходятся в 16 коп.

— Не знаете ли, какое количество угля имеется в данном районе?

Наш район обследовал инженер Колодяжный. По его расчетам, запасов угля здесь до 35 миллионов тонн. Но, говорят, что его гораздо больше. Кроме нашего района, уголь есть еще в Архызе, по реке Б. Зеленчук. Там запасы исчисляются также в 33 миллиона тонн. Если произвести расследования в глубину, то наверное и там найдутся пласты. Угля здесь много.

— Почему же его не разрабатывают в широких размерах?

— Все дело в дальности железной дороги. Ведь чтобы наш уголь доставить в Баталпашинск, надо затратить на перевозку рублей пять на тонну. Когда железная дорога пройдет до Георгиево-Осетинского, а это по пятилетке будет в 1931-32 году, тогда можно приступить и к разработкам угля. Тогда до железнодорожной станции будет всего один километр.

Начало Военно-Сухумской дороги.

Зашли в одну из штолен. Она тянется от дороги в глубь горы на 30 метров. При свете керосиновой лампочки рабочий долбил киркой породу. Он складывал куски угля в тачку, отбрасывая камни и землю в кучу. Богатство под руками, его много, а работа ведется по-первобытному.

На этом мы закончили с Тину наше совместное путешествие. Я проводил его в Учкулан.

— Так помни, алан, опять повторил он на прощанье, помести меня в книжку, а на будущий год приезжай опять в Учкулан. Пойдем с тобой в долину Битюк-Тюбе, к Эльбрусу. Я за зиму разузнаю все интересные места в этой стороне.

Итак, путешествие по Карачаю было закончено. Много, очень много впечатлений осталось в памяти от грандиозных перевалов седого Кавказа, чудных лесов Али-Бека и Гоначхира, роскошных „зимних пастбищ“ за Учкуланом.

Еще больше воспоминаний от быта, жизни скотовода-карачаевца. Этот богато-одаренный и любознательный народ требует большого внимания и всемерной поддержки. Вековая борьба со стихией и с соседями-завоевателями выковала в карачаевце сильную, выносливую натуру. Он, привыкший силой оружия отстаивать свою самостоятельность, с радостью видит осуществление своих стремлений в заботах соввласти о Карачаевской области.

Но гнетущее влияние бескультурия, привычное подчинение старым предрассудкам задерживают развитие новой жизни в Карачае и лежат еще тяжелым грузом в быту карачаевца. Культурные работники нужны Карачаю, культурное воспитание трудящихся масс должно быть усилено, культурные вещи обихода заставят позабыть первобытную утварь. И если сейчас в коше, под перевалом, вы видите сепаратор, то знайте, что карачаевец больше не станет сбивать масло в бараньем бурдюке.

Когда пройдет рельсовый путь через Махарский тоннель, и поезд, выйдя на южный склон хребта, побежит к морю, когда районная электростанция на Кубани зажжет фонари на слиянии Махара и Гондарая,—кончится мрачная сказка первобытной жизни. Ее сменит новая, культурная жизнь. Итак, пятилетку за пятилеткой! С каждой пятилеткой—глубже в горы, ближе к недрам, дальше от старины!

Советский Карачай на путях социалистического строительства.

(К десятилетию освобождения Карачая).

Карачай в прошлом—один из колониальных придатков русского империализма. Карачай, как и остальные, так называемые национальные меньшинства в царской России, справедливо прославленной тюрьмой народов, на протяжении всей своей истории, вплоть до Октябрьской революции, испытывал все „прелести“ колониального режима, со всеми вытекающими из него последствиями в виде отобрания земель, катастрофического падения производительных сил, попыток насильственной великорусской ассимиляции, разгула казачьей нагайки и т. д. Короче, эта маленькая народность, всего в 70 тыс. человек, разделяла судьбы всех остальных угнетенных народностей царской России, составлявших внушительную величину в 65 мил. человек.

Но Карачай в прошлом стонал не только под сапогом царских колонизаторов,—он носил дополнительный гнет „собственных“ эксплуататоров: князей-феодалов, помещиков, кулаков и т. д., раздирался внутренними, сословными, родовыми и классовыми противоречиями.

В результате разбойничьей политики царизма, помещиков и буржуазии, Карачай, как и многие, так называемые национальные меньшинства, вступил в свой Октябрь с огромным пассивом в виде экономической и культурной неразвитости и политической отсталости. История пролетарской революции в России есть одновременно история активного национально-освободительного движения бывших угнетенных наций и народностей. „Революция в России не победила бы, и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей российской империи“ (И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 134).

В силу своеобразного развития революции на Северном Кавказе и того места, которое суждено было занять Северному Кавказу в борьбе революции и контрреволюции, Карачай не сразу стал на путь своего освобождения.

Национально-освободительное движение в Карачае в первые годы гражданской войны возглавлялось преимущественно

эксплуататорскими элементами самого Карачая: кулаками, князьями, помещиками, муллами и т. п. Последние, увидев пропасть между их попытками установить свое безраздельное классовое господство над трудящимися массами Карачая и большевистской политикой освобождения национальностей, как от господства русских колонизаторов, так и местных эксплуататоров, шарахнулись в сторону оголтелой контрреволюции, вкупе с которой возродили в Карачае худшие традиции национального и классового угнетения трудящихся масс.

Откат контрреволюции под натиском победоносной Красной армии на юг сопровождается провокацией населения на контрреволюционные выступления. Вот в этих-то условиях, отрезанный от внешнего мира, расположенный в отдаленных горах Кавказа, Карачай превратился в район стечения обращенной в бегство белогвардейщины.

В середине 1920 года озверелая белогвардейщина, при активном участии карачаевских контрреволюционеров типа генерала Крымшамхалова, помещика, крупного торговца, капиталиста Кокеза-Узденова, генерала Клыч-Гирея и т. д., сумели обратить некоторую часть трудящихся Карачая в слепое орудие борьбы с Красной армией, спровоцировав ее на вооруженное восстание. Однако, жалко выглядели надежды реставраторов царизма на победу. Трудящиеся Карачая слишком быстро раскрыли истинный смысл политики этих господ, и при прямой вооруженной помощи пролетариата включились в общую семью освобожденных народов страны диктатуры пролетариата.

Осенью (27 ноября) 1920 года Карачай стал советским и получил национальное самоопределение в форме автономного округа в составе горской советской социалистической республики, а в январе 1922 года он оформился в Карачаево-Черкесскую автономную область.

Октябрьская революция разрешила для Карачая аграрный вопрос. С первых же дней освобождения Карачая наша партия и правительство поставили задачу—помочь трудовым массам Карачая „догнать ушедшую вперед центральную Россию“, помочь всеми имеющимися в распоряжении молодой советской республики средствами, помочь Карачаю развиваться в нацию.

Октябрьская революция уничтожила национальное неравенство и политический гнет Карачая, но она не могла и не может одним ударом ликвидировать исторически обусловленную хозяйственную и культурную отсталость народа. Для этого нужны годы упорной работы, годы борьбы на фронтах—хозяйственном и культурном.

И на основе генеральной линии, верная основам ленинской национальной политики, партия обеспечила огромное продвижение вперед, к социализму, трудящихся Карачая. В Карачае на-

сажена и развивается местная промышленность, и на ее базе выковывается карачаевский пролетариат, что еще больше усиливает пролетарское влияние и руководство деревней в области, поднимается сельское хозяйство, организованы и укрепляются первые колхозы, впервые в истории этого народа создается карачаевская национальная культура по форме и пролетарская— по содержанию.

Одним из замечательных достижений национальной политики нашей партии в Карачае является создание нового города Микоян-Шахар. Микоян-Шахар—административный и культурный центр области—является в то же время географическим центром Карачая. Строительство города обошлось в несколько миллионов рублей; помимо областных учреждений, там находятся: огромная, прекрасно оборудованная областная больница, областной педагогический техникум и т. д.

Для характеристики хозяйственного, культурного и политического роста Карачая приведем несколько цифр за последние год-два.

Построено 4 лесопильных завода, несколько сыроварно-маслодельных заводов, электростанция, приступлено к строительству мощного азотнотукового комбината. Капитальные вложения в промышленность составляют: в 1929 году—191 тыс. рублей, в текущем году—253 тыс. рублей и в 1931 году—899 тысяч.

Злостное разбазаривание скота весной 1930 года, как один из методов борьбы кулачества и прочих антисоветских элементов против коллективизации, захватило также и ряд районов Карачаевской области, что привело к некоторому сокращению поголовья скота. Однако, этот эпизодический урон восполняется быстро растущим поголовьем скота в бедняцко-середняцких хозяйствах.

Разрешение аграрного вопроса в Карачае выразилось, прежде всего, в форме национализации крупных помещичьих и родовых земель и обращении их в трудовое пользование народа, в предоставлении Карачаю сотен тысяч га сенокосной и пастбищной земли, в расселении карачаевцев из горных теснин на плоскогорья и равнины. Вместо 3 тыс. десятин земли, находившейся до революции в фактическом пользовании карачаевцев (так называемые, таукушлыки—родовые участки, принадлежавшие преимущественно кулацко-зажиточным хозяйствам), Карачай после революции имеет 815 тысяч га земли. На помещичьих землях, всего в нескольких верстах от Кисловодска, образовано семь новых переселенческих аулов с числом населения в 20 тыс. человек, что составляет почти одну треть населения Карачая. Политика переселения горцев на плоскость была встречена трудящимися области с огромным энтузиазмом, ибо переселение на

плоскость одновременно ликвидирует отсталый кочевой образ ведения хозяйства, выводит бедняка и середняка на путь повышения товарности животноводства.

На территории Карачая организован крупный животноводческий племенной рассадник—совхоз, который своим влиянием и организационной помощью значительно поспособствует вступлению бедняцко-середняцких хозяйств на путь коллективизации.

Целый ряд условий обусловил сравнительно медленное развитие коллективизации в Карачае. На 1-е ноября 1930 года коллективизировано 3 проц. хозяйств, и за последнее время наметилась тяга бедняков и середняков в колхозы. Карачай—область исключительно животноводческая. Развитие животноводства здесь в сильнейшей мере стимулируется государственным финансированием.

Так, например (по данным Севкавплана), вложение в сельское хозяйство Карачая составляет: в 1929-30 году—1 мил. 341.886 рублей, сверх этого, кредиты Колхозбанка в размере 479 500 рублей и в 1930-31 году—вложения будут равны 1.687.500 рублям.

Не менее выразительным фактором в области ликвидации фактического хозяйственного и культурного неравенства может служить неуклонный рост бюджета Карачая, расходов на душу населения. Объем бюджета в 1927-28 году равнялся 1.526,1 тыс. рублей (при 22,96 руб. расходов на душу населения), в 1929-30 г.—1976,8 тыс. руб. (28,48 р. на душу населения) и в 1930-31 году—2.642,0 тыс. рублей, при 37 руб. 24 коп. расходов на душу населения. Эти цифры свидетельствуют о все возрастающем подъеме материального уровня трудящихся масс области.

Карачай шагнул значительно вперед и по линии культурного развития. Если до революции было только 12 школ с 480 учащихся (школ, поставленных на службу великодержавному ассимиляторству), то к 1930 году функционирует 55 школ с 5 236 учащихся в них, созданы избы-читальни, клубы, красные уголки, библиотеки, кино, радио и т. п., число коих равняется 53. В ШКМ и семилетках обучается 192 чел., в проф.-тех. учебных заведениях—267 человек.

Всеобщее развертывается и в Карачае. В текущем году число школ доведено до 61 с 7.400 учащихся в них, а в 1931 году—до 9.650 учащихся. Расходы на народное образование составляют в 1929-30 г.—886,6 тыс. рублей, в 1930 году—931 тыс. рублей и в 1931 году—1 мил. 510 тыс. рублей.

В области подготовки кадров также имеются несомненные успехи. В различных вузах и на рабфаках, вне области обучается сейчас 210 человек, работают курсы коренизации на 110 человек, учительские курсы на 80 чел., курсы женработников на 20 чел. Число учителей увеличивается до 232 чел., из них—97

учителей коренизированных групп. Происходит также постепенная коренизация госаппарата области. Так, националы - ответработники составляют 51 проц. и технические работники 29,2 проц. Необходимо значительно повысить темпы коренизации и выдвижения в госаппарат рабочих, батраков и бедняков и колхозников из коренного населения. в частности использовать для этой цели кампании перевыборов бюро ячеек и советов.

Растет также и грамотность населения. В 1929-30 г. обучено грамоте 4.350 чел. в 71 ликпунктах и в 1931 году будет охвачено 216 ликпунктами 8 тыс. неграмотных и 2 тыс. малограмотных.

Таковы, в самых общих чертах, далеко неполные показатели быстрого социалистического роста хозяйства и культуры Карачаевской автономной области.

Неправильно было бы представить себе социалистическую реконструкцию хозяйства и развитие культуры Карачая, как самотечное явление, проходящее без определенных трудностей.

Трудности социалистического строительства в Карачае обусловлены отсталостью этой области и отчаянным сопротивлением классового врага: кулака, муллы, буржуазного интеллигента-националиста и прочих реакционных элементов. Классовая борьба в Карачае обостряется в сильнейшей степени.

Кулак в Карачае еще имеет достаточно большую экономическую базу. Развернутое наступление на капиталистические элементы аула, более решительное проведение политики экономического разоружения и политической изоляции эксплуататорских слоев карачаевской деревни значительно обактивило классового врага, который в своей борьбе с советской властью пытался найти опору в бедняцко-средняцких массах аула. В своей борьбе против партии и советов классовый враг широко использовал допущенные в Карачае „левые“ загибы в коллективизации и целый ряд ошибок в хозяйственном строительстве и политической работе.

С другой стороны, особенно, сильное обострение классовой борьбы вокруг весенней кампании по коллективизации показало недостаточную подготовленность парторганизации решать боевые вопросы социалистического строительства по-большевистски, слабую связь ряда ячеек с бедняцко-средняцкими массами аула.

Как известно, „левые“ ошибки и перегибы в коллективизации и в области антирелигиозной работы были исправлены при прямом вмешательстве Крайкома ВКП (б).

Под руководством ЦК и Крайкома карачаевская партийная организация добилась значительных успехов в деле приобщения трудящихся Карачая к социалистическому строительству. Эти успехи должны быть закреплены; опираясь на них, парторганизация должна умножить успехи соцстроительства. Она должна

неизменно крепить союз рабочего класса и бедноты с середняком, повести работу по организации бедноты, оживить работу советов и повести бедняцко-середняцкие массы аулов в развернутое наступление на капиталистические элементы, на дальнейшее более энергичное ограничение роста и вытеснение кулака.

При этом необходимо обратить исключительное внимание на усиление массовой политической работы среди трудящихся горянок, вовлечение их в активную работу по советскому социалистическому строительству, более решительное создание кадров работников из женщин Карачая.

Очередные задачи работы партии в Карачае намечены в решениях последнего пленума Крайкома партии.

От всех нацпарторганизаций, в том числе и карачаевской, партия требует максимально большевистской мобилизованности в проведении означенных решений. Сама карачаевская парторганизация значительно выросла количественно. В 25-ти ячейках имеются 533 коммуниста, из коих рабочих и батраков—200 чел., колхозников и бедняков—около 150 человек. Необходимо повести в дальнейшем более энергичную работу по организованной вербовке в партию батраков и бедняков, поставить на должную высоту партийно-политическую учебу организаций. Очередные задачи партии в Карачае придется решать в обстановке все обостряющейся классовой борьбы. Парторганизация растет и получает большевистскую закалку в открытой классовой борьбе.

Пережитки родовых и сословных отношений, сильно поддерживаемые и подогреваемые кулачеством и муллами, являются в Карачае серьезной помехой на путях соцстроительства. Классовый враг в своей борьбе всемерно использует эти пережитки, эксплуатирует отсталость и темноту масс, но „успехи социалистического строительства, обострение классовой борьбы содействуют и ломке сословных и родовых перегородок, что неизбежно ведет к потере кулачеством части своих позиций“. (Из постановления пленума Крайкома).

Решительно борясь и впредь с теорией и практикой противопоставления одного сословия (кулов)—другому (уздени), против подмены классовой борьбы родовой и сословной, карачаевская парторганизация должна вести неослабную борьбу с классовым врагом всех сословий и родов, всяким попыткам подмены классовой политики партии сословной и родовой, что на деле усиливает позиции классового врага. Этому худшему виду правого оппортунизма парторганизация Карачая должна объявлять суровую борьбу.

Коммунист является в партии не представителем рода и сословия, не выразителем интересов своего рода и сословия, а

активным борцом против эксплуататоров всех родов и сословий. Кто не понимает и не выдерживает этой основной обязанности большевика, тот должен быть разоблачен и выброшен из рядов ленинской партии.

Нельзя забывать ни на минуту, что вопросы коллективизации должны и будут решены в Карачае, что путь для Карачая один— проведение сплошной коллективизации и на основе ее—ликвидация кулачества, как класса. Мы к этой перспективе в Карачае должны быть готовы во всеоружии, ибо „настоятельность задачи развертывания крупного обобщественного хозяйства подчеркивается и тем обстоятельством, что индивидуальное, мелкое, раздробленное хозяйство горцев не обеспечивает решающего подъема сельского хозяйства и материального уровня трудящихся“. (Из постановления пленума Крайкома).

Темпы коллективизации в Карачае будут ниже, чем в зерновых русских районах, но из этого, отнюдь, не следует, что в Карачае колхозное движение нужно предоставить самотеку. Наоборот, необходимо решительно ударить по наиболее опасному правому оппортунизму, по правой практике и политике, необходимо усилить производственное кооперирование и объединение бедняцко-середняцких хозяйств в простейшие формы колхоза—созы, ибо они на первых порах „будут иметь еще широкое распространение“.

Поскольку единоличный сектор является еще в Карачае преобладающим, „единоличное бедняцко-середняцкое хозяйство еще будет играть серьезную роль в сельском хозяйстве нацобластей, поэтому постановка, как одной из актуальнейших задач перед парторганизациями по дальнейшему расширению коллективизации, отнюдь, не снимает с очереди дня вопрос о нашем внимании к обслуживанию нужд индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств“. (Из постановлений пленума Крайкома).

Карачаевский отряд нашей партии стоит перед серьезнейшими испытаниями как в области большевизации своих рядов, так и обеспечения дальнейших решающих успехов социалистического строительства.

Карачаевская организация должна развернуть решительную борьбу на два фронта: с правым оппортунизмом—главной опасностью и „левым“ уклоном, а также с уклонистами в национальном вопросе и примиренчеством к уклонам.

Неослабная борьба за четкое осуществление генеральной линии партии и ленинской национальной политики, разоблачение и беспощадное выбрасывание из своих рядов двурушников из лагеря право-„левых“ оппортунистов, официально голосующих за линию партии, а на деле извращающих эту линию,—вот первая обязанность парторганизаций Карачая.

Сакля снесена—строится дом.

АРХИТЕКТУРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ.

НАЛЬЧИК. 15 октября. (Спец. корр. «Правды»). Как известно, Кабардино-Балкария — передовая область в колхозном строительстве. Здесь завершена массовая коллективизация. Здесь колхозы окрепли, и хозяйство расширяется на глазах. Здесь много нового — такого, чего не увидишь в других краях — в организации труда и политике воспитательной работе в массах, в социалистическом соревновании и, наконец, в общей постановке партийного руководства.

С инициативой Кабардино-Балкарии и секретаря обкома ВКП(б) Калмыкова западные представители о всяких искажениях, новаторстве в самых различных областях социалистического строительства.

Однако то, что происходит здесь сейчас, кажется каким-то необычным, исключительным даже для Кабардино-Балкарии. 12 октября в столице области — Нальчике открылась архитектурная конференция.

— Область вышла на широкую дорогу хозяйственного и культурного подъема, — заявил Бетал Калмыков членам конференции. — Совхозы МТС и колхозы стали основной основой области, близкими и родными крестьянским массам. Внедрение новых форм хозяйствования идет настолько успешно, что большинство колхозов области уже дает доход колхознику на трудодень от полупуда до пуда с лишним.

Есть целые селения, которые выходят на путь жилищной жизни побуждают к новым начинаниям и к великому культурному перелому. В этих селениях уже буквально снесены и уничтожены

старые нищенские сакли, и на месте их возведены и возводятся новые, светлые, большие и просторные дома. До революции в селах области было всего 13 школ, сейчас — свыше 95. До революции в Нальчике было одно только реальное училище, сейчас средних и высших школ — 60.

Рост народного богатства, рост культурных запросов вызвал к новой жизни массы трудящихся и ставит на очередь новую задачу: перестроить всю область, произвести планировку совхозов и колхозов, областного и районного центров при едином областном плане, применительно к новым производственным культурным требованиям и перспективам социалистического развития.

С этой целью областные руководящие организации пригласили лучшие силы архитектуры Союза на конференцию в Нальчик. Здесь присутствуют: акад. Желтовский, проф. Исрачев, проф. скульптуры Яковлев, проф. Татаинов, архитекторы и художники Гольц, Парусников, Соболев, Кожин, зам. председателя союза советских архитекторов Алабян, архитекторы Власов, Дедюхин, Круглов, Милоснов, председатель научно-технического совета Наркомхоза Садовский и десятки представителей научных, архитектурных и экономических сил Ростова-на-Дону. Прибывшие на конференцию специалисты производят поездки по области с целью ознакомления на месте с совхозами и колхозами, организуются встречи и совещания с совхозным и колхозным активом.

В. ДЯТЛОВ.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

55 коп.

06 коп.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. А. ФАЕРОВ и В. БАЛАНДИН —
СТЕПИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО
КРАЯ
2. С. ПОПОВ —
ЛАМПОЧКА ИЛЬИЧА НА СЕВЕР-
НОМ КАВКАЗЕ
3. А. А. АПОСТОЛОВ —
КЛИМАТ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО
КРАЯ
4. П. П. СУЩИНСКИЙ —
ГОРНЫЕ БОГАТСТВА СЕВЕРО-КАВ-
КАЗСКОГО КРАЯ

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

1. С. ПОПОВ —
СЕЛЬМАШ
-

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

В СЕКТОР РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ИЗ-ВА „СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ“,
г. РОСТОВ НА ДОНУ, УЛИЦА
ФР. ЭНГЕЛЬСА, 57. ТЕЛ. 20-150

„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ“ 1931

